Альбус Поттер и Тайна Слизерина

Лера Любченко

SHOUT
SHARE
IT

- Альбус Поттер и Тайна Слизерина
  -
  - Пролог
  - Только не Слизерин!
  - Тени прошлого
  - Детские шалости
  - Немного о совести и любопытстве
  - Первая победа
  - Шепот в темноте
  - Новейшая история
  - На пороге Тайны
  - Недоверие
  - Наследие Слизерина
  - Легенда

Альбус Поттер и Тайна Слизерина

Серия «Альбус Поттер»

2011

В серию входят:

«Альбус Поттер и Тайна Слизерина»
«Альбус Поттер и Серебряный дракон»
«Альбус Поттер и Зеркало Истины»

Все права на героев книги принадлежат J.K.Rowling.
Все права на данный текст принадлежат Любченко Л.
Автор выражает искреннюю благодарность авторам рисунков, размещенных в тексте.

Публикация: только с разрешения автора. Отзывы и предложения направляйте lisichkalera@bk.ru
Возрастные ограничения: нет

Любченко Л.
Альбус Поттер и Тайна Слизерина.
Первая книга серии «Альбус Поттер».

Альбус Поттер больше всего на свете боится быть распределенным на "змеиный факультет", но именно там он и оказывается волею Распределительной шляпы. Факультет темных волшебников хранит множество тайн, и одна из них принадлежит его знаменитому отцу. Любопытство и помощь нового друга помогают раскрыть тайну и понять важные истины.

Пролог

Альбус оглядел помещение осоловелым взглядом. Комната вращалась. «Какого черта!..» — подумалось ему, и тут же пришла другая мысль: маме бы это выражение не понравилось... Хотя теперь уже можно. В конце концов, он уже год проучился на змеином факультете Слизерин, от одного названия которого дядю Рона передергивало в какую-либо сторону. То в правую, то в левую. Может, он забывал, в какую надо передергиваться, и поэтому получалось все время в разные?

Альбус тихо хихикнул, несмотря на свое состояние, а оно было отвратительным. «От-врати-тель-ней-шее состояние!» — произнес он вслух по слогам, словно стараясь сосредоточиться хотя бы на этой фразе. Больничный потолок сиял ослепительной белизной. Смотреть не было сил, хотелось закрыть глаза и очутиться дома. На том самом старом и скрипучем диване, за который его отец, народный герой, между прочим, борется с хозяйственной мамулей уже не один год. Жаркие споры идут, а диван все стоит себе в поттеровской гостиной, и Альбус в этом вопросе полностью солидарен с отцом — вокруг дивана особенная атмосфера. Там всегда тепло и уютно, а зимой в окно можно наблюдать большие мягкие хлопья снега, а все остальное -

время бесконечные лондонские дожди. Если получится разглядеть капли в тумане, конечно. Мечты о фамильной реликвии Поттеров прервал негромкий скрип открываемой двери, и в дверном проеме возникла крупная фигура главного аврора Британии, национального героя Магической Войны и по совместительству отца Альбуса, известнейшего человека волшебного мира — Гарри Джеймса Поттера.

— Папа… — пискнул Альбус, жалея, что в свои одиннадцать, да что там говорить, почти двенадцать лет, не мог позволить себе залезть под тонкое больничное одеяло с головой. По возрасту не положено, да и по статусу — ученику Хогвартса, слизеринцу, не пристало бояться отцовского гнева.

Однако, вопреки ожиданиям храброго первокурсника, гроза всей британской нечисти не свел чуть поседевшие брови вместе и не побледнел до той степени, когда видна неистово бьющаяся синяя жилка на шее. А это несомненно выражало готовность кинуться в атаку на собственное неугомонное семейство, которое было настолько разношерстным по характерам и взглядам, что вообще удивительно, как они могли мирно существовать под одной крышей старого дома Блэков. Из этого Альбус сделал вывод, что страшная кара по поводу его необдуманного поведения откладывается на неопределенный срок. На то, что он совсем избавился от перспективы испытать на себе праведный гнев родителя, Альбус, по понятным причинам, не рассчитывал. В конце концов, кому Гарри Поттер, а кому отец, строгий и непоколебимый в своих понятиях о воспитании подрастающего поколения.

— Альбус, — главный аврор потоптался на пороге, и было непривычно наблюдать его, такого сильного и строгого, в некоей растерянности. Он явно не знал, что делать с балбесом-сыночком, который сунул свой любопытный малолетний нос не в свое дело.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил мистер Поттер и нервным движением протер очки изрядно мятым, но чистым платком.

— Нормально, — напряженно ответил весь-такой-из-себя-послушный сын.

— Ага, — кивнул герой войны и как-то совсем по-мальчишески улыбнулся, присев на краешек кровати сына. Альбус впал в глубокую прострацию, наблюдая такие метаморфозы.

— Пап, ты сердишься на меня, да? Ты пойми, нельзя было по-другому, никак нельзя. Мы должны были это выяснить…

— Выяснили? — спросил отец отстраненным, абсолютно деревянным тоном.

Выяснили, — выдохнул Альбус.

Только не Слизерин!

Шумное семейство Уизли-Поттеров, казалось, заполнило собой весь перрон. Солнце играло в рыжих, чуть тронутых сединой, волосах Рональда Уизли, прыгало веселыми желтыми бликами на пушистых шевелюрах Розы и Хьюго Уизли, сбегало ярким праздничным дождем по гладким медным волосам Джинни и Лили Поттер и, абсолютно запутавшись, навсегда застывало в вечно лохматых патлах Джеймса Сириуса Поттера. И даже каштановые волосы Гермионы Уизли - в девичестве Грейнджер - на свету словно были прошиты тысячами ярких золотистых нитей. На этом празднике рыжих, как окрестил про себя компанию родственников Альбус, он выглядел белой вороной. Они выглядели. Вместе с отцом. Альбус был его точной копией. Иногда, когда он смотрелся в зеркало, ему казалось, что вот-вот на лбу выступит молниеобразный шрам, как на старых колдографиях отца, которые Альбус в силу природной любознательности изучил вдоль и поперек. Черные волосы, яркие зеленые глаза, хрупкое телосложение — ничего общего со здоровяком Джеймсом, который хоть и был похож на отца волевым подбородком и лохматой головой, все же пошел в Уизли. Такой же рыжий и неугомонный. Солнечный, как любили про него говорить другие члены семьи. Альбус тихо усмехался. Да, Джеймс солнечный, а его самого мама в детстве называла тучкой.

Погруженный в свои мысли, Альбус не заметил, что отец присел на корточки, чтобы посмотреть сыну прямо в глаза.

— В чем дело, Альбус? — спросил он строго и мягко одновременно. Вопрос не был давлением, но предполагал ответ. Альбус хорошо изучил интонации отца за свою, пока еще недолгую, жизнь.

— Я боюсь, — честно ответил он, смотря на папу огромными зелеными глазищами в обрамлении темных густых ресниц.

— Чего ты боишься, глупый? — отец запустил ладонь в шелковистые лохмы и легонько потрепал. От незамысловатой ласки захотелось кинуться к нему на шею и, повиснув, отправиться домой. Прямо сейчас. Чтобы не было этого ужасного страха перед распределением, страха, что он опозорит свою семью и не попадет на Гриффиндор, где учились все, ВСЕ его родственники и брат Джеймс.

— Что я не попаду на Гриффиндор, — честно ответил Альбус. А чего врать? Перед ним же не только отец, но и Главный аврор, который легилименцией (да, да он знал что это, тетя Гермиона рассказывала) владеет в совершенстве.

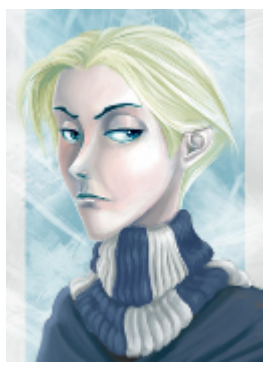
— Ну, не попадешь, и что в этом такого? — спросил отец, пристально всматриваясь в глубину изумрудных глаз и борясь с ощущением, что он заглядывает в свою собственную душу.

— Все на Гриффиндоре. А я... А вдруг... на Слизерин... — прошептал мальчик и, не удержавшись, тоненько всхлипнул. — Значит, Слизерин приобретет замечательного студента. Тебя назвали в честь двух самых великих директоров Хогвартса. Как ты можешь бояться? И еще. Я никогда никому не говорил, но сортировочная шляпа хотела отправить меня на Слизерин. Но я уговорил ее этого не делать.

— Уговорил? — в зеленых озерах плещется недоверие вперемешку с искренней детской надеждой. — Как видишь, — хмыкнул отец и повернулся к дяде Рону, который указывал без всякого стеснения куда-то вправо. Альбус, будучи ребенком любопытным, а иногда и не в меру любопытным, оглянулся. — Смотри, кто там, — повторил Рональд Уизли, и его лицо исказилось гримасой отвращения.

— О, значит, маленький Скорпиус в этом году тоже едет в Хогвартс, — задумчиво протянул отец, пристально изучая стоящую в двадцати метрах от них фигуру в наглухо застегнутом черном пальто. Альбус мельком скользнул взглядом по мужчине и женщине, отметив про себя и гордую осанку, и острый взгляд обоих. Но больше его заинтересовал белобрысый мальчишка его возраста, стоящий рядом с ними. Он совершенно спокойно встретил взгляд любопытных зеленых глаз и чуть

усмехнулся уголками тонких бледных губ. Голубые глаза смотрели равнодушно, не выражая ни капли заинтересованности, что ужасно разозлило Альбуса. Не сказать, что б он ожидал жгучего интереса во взгляде незнакомца, но все-таки он — сын самого Гарри Поттера, а эта бледная поганка ему не знакома, хотя по каким-то причинам знакома всей его семье. Тетя Гермиона напряженно взглянула на своего мужа, словно ожидая, что он сейчас скажет какую-нибудь гадость, сам дядя Рон передернулся, как при слове «Слизерин», на этот раз вправо, и сделал вид, что внимательно изучает пожитки Розы, деловито копаясь в ее чемодане. Гарри Поттер же оставался абсолютно бесстрастным. Он приветливо улыбнулся на сухой кивок незнакомого мужчины в черном пальто, и только Альбус, пожалуй, заметил, так как стоял ближе всех, что улыбка эта не имеет ничего общего с теплотой и любовью, с которой главный аврор улыбался своим родным в хорошем расположении духа. Нет, он не заметил отвращения на лице отца, но и равнодушия там нет. Если бы Альбус был постарше, он бы понял, что это боль. Скрытая глубоко внутри, свернувшаяся, словно змея, которая жалит, жалит, жалит…



Хогвартс-экспресс тронулся с места, и Альбус тоскливым взглядом проводил фигуру отца, которая становилась все меньше. Нет, по маме он тоже будет скучать. Но не так, как по отцу. Папа — это пример, его одобрение — стимул быть лучше, и не только потому что он герой, знаменитый Гарри Поттер, а просто потому что он такой, потому что позволяет Альбусу видеть не только аврора с прямой спиной и жестким взглядом, но и просто человека с удивительно приятным смехом и жутко интересными историями. Дядя Рон на истории падок больше, конечно, но Альбусу нравилось, как рассказывает отец. Тихим голосом, который вовсе не походил на тот громкий рык, что издавал бравый аврор, переживая вспышки гнева на родных. Он рассказывал о военном времени так, словно снова проходил через все ужасы. А скорее всего, так оно и было. Просто Гарри Поттер

твердо был уверен, что его дети должны знать правду. Не приукрашенную неведомыми подвигами, как в историях дяди Рона, не сухую и ломкую, как мертвое дерево, какими они получались у тети Гермионы. Он разговаривал с ними на равных, и Альбус невероятно это ценил.

Альбус сидел в уютном купе рядом с Розой Уизли и думал, что, пожалуй, сам будет писать отцу, не дожидаясь его писем. Часто. Может быть, каждый день. И он уверен, что отец никому не расскажет об их маленьком секрете.

— Альбус! — окликнула его Роза. Ее тон не был ни капли раздраженным — девочка хорошо знала мечтателя Альбуса и понимала, что для того, что бы спустить его на землю, нужно говорить громче. — Ты будешь покупать сладости?

— А? Что? Да, буду, конечно, — Альбус улыбнулся то ли Розе, то ли своим мыслям, то ли перспективе наесться сладкого без бдительного родительского контроля.

— Когда мы попадем на Гриффиндор, я попрошу Мелиссу Лонгботтом поговорить с профессором Лонгботтомом, чтобы он… — Роза, — одернул подружку Альбус, — профессор Лонгботтом — друг нашей семьи и вашей тоже, не надо ни о чем просить Мелиссу, он и сам все знает. — Ха! Тебе — друг семьи, а Мелиссе — родной отец, это разные вещи. — Привет, молодежь! — раздался смешок от двери. В купе появился Джеймс. — Тоже мне, старичок нашелся… — фыркнул Альбус. — Ты меня старше на полтора года, хоть и учишься уже на третьем курсе. Так что не выпендривайся, Джим, не поможет. — Да ну тебя! — миролюбиво махнул Джеймс рукой, не желая ввязываться в одну из ссор, которые вспыхивали между двумя Поттерами с завидной регулярностью. — Мама просила присматривать, я и присматриваю. По мере возможностей, — хихикнул старший брат и, увидев маячившие за дверью купе фигуры друзей, запустил руку в купленные Альбусом конфеты на столике и, ловко увернувшись от тонкой, но весьма ловкой руки младшего брата, покинул «территорию малолеток». Замок Хогвартса не мог не восхищать того, кто видел его в первый раз. Величественные и древние, его стены, казалось, дышали многовековыми традициями. Приближаясь на лодках первокурсников, одиннадцатилетние мальчики и девочки не могли скрыть восхищенного вздоха, когда стены замка выплыли перед ними, играя сотнями огней. Большой зал. Из года в год старая шляпа занимается распределением студентов. ила природы — Хаффлпафф, сила ума — Рэйвенкло, сила храбрости и справедливости — Гриффиндор, сила воли, сила крови и просто сила в чистом виде — Слизерин. Как часто дети повторяют своих

родителей... Семейство Уизли испокон веков училось на Гриффиндоре, и Роза Уизли не стала исключением. Шляпа даже не успела коснуться рыжих волос, как раздался ее скрипучий голос:

— Гриффиндор!

— Адель Забини! — смуглая, очень красивая мулатка неспешно и гордо прошла в сторону скамейки для первокурсников. Вердикт шляпы был однозначен: — Слизерин!

Туда же распределили и ее брата-близнеца Джонатана.

— Скорпиус Малфой! — а вот и бледнолицый незнакомец с вокзала. Малфой... Теперь понятно. Да, Альбус слышал эту фамилию. Не от отца, от дяди Рона, и его отзывы о чистокровном семействе были весьма нелестными. Но отец не позволял говорить гадости о ком бы то ни было, он просто просил дядю ограничиться «школьными забавными историями», Уизли коварно усмехался, и в сотый раз заводил разговор о том, как Малфоя превратили в хорька на четвертом курсе, или как отец обыграл его в квиддич на втором. Малфой-младший держался спокойно, на него смотрели многие, и многие делали это с явным неодобрением. Но маленький Скорпиус, видимо, был готов к такому повороту событий, поэтому его тонкие губы сжались в одну линию, плечи гордо расправились, и необыкновенно яркие голубые глаза опасно сощурились, награждая презрением любого, кто посмел кинуть неодобрительный взгляд в его сторону. Таким образом, Слизерин приобрел еще одного студента. Через некоторое время, когда ждать уже не было сил, и коленки подгибались от страха перед неизвестностью, а в мозгу билась только одна мысль «скорей бы это все закончилось», Альбус услышал: — Альбус Северус Поттер! — это было произнесено торжественно, и директор Макгонагалл назвала его полным именем. Альбус почувствовал себя неловко. Чем он это заслужил? А чем он заслужил эти громкие аплодисменты всего зала? Он всего лишь мальчишка. Это не ему, а его отцу сейчас аплодируют, его авторитету. Чувствуя страшную неловкость и резкие приступы тошноты, Альбус доковылял до заветной скамейки и уселся на нее, думая, что встать, наверное, будет не в состоянии. Зачем его назвали именами этих людей? Теперь он должен будет нести их с почетом и славой все школьные годы, и каждый промах будет кинут в лицо и заявлен как недостойный волшебника с таким именем. Это все не его. Ни имена, ни знаменитость фамилии. Ничего. — Поттер… — хмыкнула шляпа. — Ой, — тихо ойкнул Альбус, поняв, что шляпа говорит с ним. И тут же, сжав кулаки, зашептал искренне и неистово: «Только не Слизерин, только не Слизерин… пожалуйста…» — Однажды, — задумчиво

проскрипела шляпа, — я уже послушалась одного Поттера. Но у меня были на то причины. А здесь… Прости, мой мальчик, но я не вижу в тебе гриффиндорца, равно как и рэйвенкловца. Гибкий ум, жажда жизни, смелость — все это есть, да… Но… я вижу огромный магический потенциал, я вижу... а впрочем, неважно, малыш, пока неважно. — Слизерин! Казалось, что в зале резко выключили звук. Сотни голосов мгновенно смолкли. Профессор Лонгботтом некрасиво открыл рот. И даже директор Макгонагалл неверяще покачала головой. На негнущихся ногах новоиспеченный слизеринец

направился к «своему» столу. Мимо Розы, Джеймса, Мелиссы, мимо тех, к кому привык и считал друзьями. Изумленный вздох пронесся по залу, когда Альбус устроился на самом краешке слизеринского стола. «Вот и все, — это была его единственная мысль на тот момент, — вот и все». И тут раздался тихий смех. Смеялся человек на портрете. Весь в черном, с длинными черными волосами и крючковатым носом. Он смеялся искренне и заразительно, и его смех прокатился по залу, заводя всех, кто в нем находился. Старшие слизеринцы закатывались хохотом, и только малыши сидели и смотрели настороженно, не понимая причину такого бурного веселья. — Хватит! — голос Макгонагалл, усиленный сонорусом пронесся по залу, призывая распустившихся студентов к порядку. И распределение продолжилось своим чередом. Старосты повели первокурсников в спальни. Следуя за высокой, тонкой, как будто прозрачной девушкой, Альбус чувствовал, что все действия выполняет на автомате, словно под заклятием Империус. В голове был полный сумбур. Слизерин… все-таки Слизерин… Он пропустил замечание старосты насчет движущихся лестниц и растянулся прямо под ноги своих, теперь уже, однокурсников. Захотелось плакать, желательно прижавшись к широкой отцовской груди, слушая успокаивающее и размеренное биение его сердца. Но Гарри Поттер давно уже был дома на Гриммаунд плейс, и достать его для того, чтобы поплакаться, не представлялось возможным. «Сдержаться. Не плакать. Это слабость», — билось в мозгу. Попытавшись встать, Альбус запутался в полах длинной школьной мантии и снова упал, уже безнадежно барахтаясь и не пытаясь сохранить лицо. — Быстрее! Я никого не буду ждать! — прикрикнула на подопечных староста и направилась вниз по ступеням. Первокурсники завозились и отправились дальше. Альбус, окончательно запутавшись, беспомощно смотрел на удаляющиеся спины, как вдруг рядом раздался сухой надломленный голос: — Руку. — А? — Альбус оглянулся и наткнулся вглядом на холодные голубые льдинки в глазах

Скорпиуса Малфоя.

— Руку, Поттер, — усмехнулся Малфой, протягивая свою белую узкую ладонь.

— Спасибо, — промямлил Альбус, протягивая в ответ свою, и почувствовал себя гораздо увереннее, оказавшись вновь в вертикальном положении. От кого он не ожидал помощи, так это от «бледной немочи», как он окрестил Малфоя про себя. И тут понял, что больше не может сдерживаться и рухнул на ступеньку, закрыл руками лицо, украшенное свежим лиловым кровоподтеком, и разрыдался. Подумав, что теперь-то уж точно остался один. А Малфой... ну, так это же Малфой, а дядя Рон категорически запретил общаться с ним, потому что «от Малфоев одни проблемы и гадости». Когда, отрыдавшись на свою горькую судьбу и вселенскую несправедливость, засунувшую его на этот змеиный факультет, Альбус поднял прозрачные и опухшие от слез глаза, то увидел, что Скорпиус никуда не делся, а просто стоит рядом и смотрит на него. Не презрительно. Не с отвращением за слабость. Не готовый рассмеяться над «папенькиным сыночком», а просто смотрит. — Все? — спросил он, чуть наклонив голову, и золотистая прядь легла на бледную щеку. Скорпиус смешно сдул ее движением губ и продолжил выжидательно смотреть на Альбуса.

— Все, — буркнул Альбус, поднимаясь. «Если уж остался, так хоть бы проявил человеческое сочувствие». Почему-то Альбуса обидел тот факт, что Скорпиус не кинулся утешать его, бедного и несчастного. — Тогда пойдем! — равнодушно пожала плечами «немочь» и направилась вниз с самым независимым видом. Альбус поплелся следом. Через 10 минут блуждания по коридорам Альбус решил подать голос: — Э… Скорпиус… ты знаешь, куда мы идем? — Нет, — белобрысая голова даже не повернулась. — Понятно, — ответил Альбус, чувствуя, как внутри закипает праведный гнев. Да что о себе возомнил этот... этот… Малфой, одним словом. Вот. Да. Дядя Рон был прав насчет их семейства. Помог, называется. Лучше бы не помогал. «Я бы, может, сам дорогу нашел. Я бы, может, спал уже, если бы не он». Про то, что это именно из-за несдержанности Альбуса они задержались, как-то не подумалось. — Стой! — крикнул Альбус, которому надоело бездумно следовать за своим горе-провожатым. Скорпиус встал, но не оглянулся. Идеально приглаженные

золотистые волосы, идеально прямая спина. «Да как он вообще еще пополам не переломился!» — с раздражением подумал Поттер-младший. Нагнав высокомерного мальчишку, Альбус, недолго думая, резко схватил его за плечо, чтобы развернуть к себе лицом. Скорпиус развернулся с тихим смешком, который никак не отразился на бледном бесстрастном лице. — Куда мы идем? — требовательно повторил Альбус, смотря прямо в голубые глаза, чуть сощуренные, видимо, выражающие презрение. Или ничего не выражающие. Эта бледная поганка оставалась загадкой, по лицу ничего не понять. — Есть предложения? — чуть растянуто, будто ему лень говорить, спросил Скорпиус. — Ты должен знать, что делать! — возмутился Альбус. — В конце концов, это ТЫ меня сюда завел, это ты во всем виноват! — зеленые глаза опасно сощурились, ломающийся голос сорвался на крик. — Я. Тебе. Ничего. Не. Должен, — тщательно выговорил Малфой и сжал кулаки до побелевших костяшек пальцев. — Истеричка! — презрительно кинул он в сторону Альбуса и хотел было отвернуться с гордым видом, когда Альбус резко вскинул руку и ударил нахала по лицу. Удар получился смазанным, потому что Скорпиус отклонился с завидной ловкостью и тут же вскинул свой кулак, который пришелся точно в цель. Прямо в хлюпающий от недавних слез нос обладателя героических имен. Нос захлюпал с удвоенной силой, теперь уже орошая кровью белый воротник новенькой рубашки. Альбус озверел окончательно и кинулся на обидчика изо всех силенок. Точно так же, как он кидался на брата, когда тот становился особенно невыносимым. Но здесь все оказалось не так просто. Джеймс, конечно, был мальчиком спортивным, но ему было далеко до ловкости и гибкости Скорпиуса, который бил и отбивался так, будто всю жизнь провел, обучаясь драться. Странно, если учесть то, что он из чистокровной семьи волшебников, которые должны были бы полагаться на магию… Альбус и не заметил, как оказался на полу, прижатый легким мальчишеским весом к камням подземелий. Скорпиус громко сопел и старательно вжимал его в холодный камень, крепко вцепившись в тонкие предплечья. Альбус бешено вращал зелеными глазищами, не в силах пошевелиться, и закипал от ярости и гнева, натыкаясь на холодный, абсолютно равнодушный взгляд соперника, глаза которого из голубых превратились в темно-синие. Внезапно в гулкой тишине коридора, помимо сбившегося дыхания друг друга, мальчики услышали чьи-то торопливые шаги. Скорпиус мгновенно скатился с противника и, схватив его за руку, потянул за собой. — Куда ты меня тащишь? — возмущенно прошептал изрядно помятый драчун. — Куда надо, — последовал короткий

ответ. — Тише, придурок, если нас застанут отдельно от факультета, нам попадет, а мы еще и учиться не начали. Альбус послушно замолчал, благоразумно рассудив, что неприятностей на сегодня хватит. Скорпиус затащил его в какую-то нишу, и они накрылись черными мантиями с головой. Эта часть коридора была достаточно темной, что бы такой нехитрый маневр сработал. Шаги приближались. Послышались приглушенные голоса. — Ты уверен, что здесь никого нет? — Уверен, первокурсники спят уже в своих спальнях, старшие празднуют начало нового учебного года в своих гостиных, здесь никого нет. — Отлично. Ты нашел, что искал? — Пока нет. Надо заглянуть в запретную секцию… — В запретную?.. Ха, да ты у нас темный маг… — Тише, ты, нет уже темных магов, забыл? Есть только послушные ученики школы Хогвартс… — Ну-ну… Дерзай! Не забудь потом рассказать… — Обязательно. Шаги быстро удалились, и вскоре Альбус слышал лишь размеренное дыхание и биение сердца стоящего рядом Скорпиуса. Мальчишки вывалились из укрытия и, посмотрев друг на друга, глубоко вздохнули. Альбус окинул взглядом потрепанную фигурку перед ним: растрепанные волосы, кровоподтек на скуле, разорванная в нескольких местах мантия, к тому же вывалянная по полу, и остался доволен результатом, несмотря на собственные синяки и ссадины, которые давали о себе знать. Теперь Скорпиус больше не был похож на прилизанного аристократа и как-то перестал раздражать. — Что это было? — Альбус первым нарушил тишину. — А я знаю? — откликнулся Скорпиус раздраженно. — Здесь что-то не так... Что-то совсем не так… Незачем студентам забираться в запретную секцию, понимаешь? — И что с того? — Пока не знаю, но планирую выяснить в ближайшее время. Ты со мной? — спросил Альбус и замер в ожидании ответа, чувствуя, как кровь застучала в висках, выдавая сильное волнение. Ему почему-то было крайне важно услышать согласие от всколоченного мальчишки рядом. Несмотря на драку, несмотря на фамилию и заносчивость. Альбус Поттер уважал силу, а стоящий рядом с ним явно был не только умелым драчуном, но и интересной личностью. Скорпиус опять склонил голову набок (да что за жест такой непонятный!) и оглядел растрепанную фигуру перед ним с головы до ног, словно тестируя на что-то, одному ему ведомое. И ответил тихо и так же без тени эмоций: — Наверное, да. И Альбус улыбнулся. Ну и пусть сейчас этот маленький снобеныш равнодушен и делает вид, что ему все безразлично. Он все видел. И горящие глаза во время драки, и чуть закушенную бескровную губу, когда он подавал ему руку там, на лестнице. Альбус подумал, что обучение в Слизерине будет, может, и сложным, но

уж точно не скучным. И, кажется, он именно этого и хотел. А найти свои подземелья? Что ж, вдвоем они обязательно справятся!

Тени прошлого

Альбус беспокойно ворочался в своей кровати, закрытый бархатным темно-зеленым пологом от любопытных глаз соседей по спальне. Ему никак не удавалось уснуть. Все мысли были заняты клочком пергамента, который он (ну, ладно, ладно, вместе с Малфоем) обнаружил на полу коридора в первый день. Это была карта, на которой без труда угадывались бесконечные ряды стеллажей с книгами, набросанные чьей-то несомненно талантливой рукой. Ближе к правому верхнему краю пергамента стоял жирный крест, старательно выведенный фиолетовыми чернилами. Крест находился за тонко проведенной чертой, под которой красивым каллиграфическим подчерком было выведено «Запретная секция». Альбусу было понятно, что именно туда собирались проникнуть неизвестные студенты, и само прикосновение к какой-то тайне вызывало дрожь в коленях и незабываемое ощущение приближения чего-то важного и интересного. Конечно, слизеринец отдавал себе отчет в том, что важное и интересное может так и не случиться, если он так и будет пялиться на пожелтевший кусок пергамента, не предпринимая никаких действий. В очередной раз изучив заветную бумажку, Поттер-младший засунул ее под подушку и решил заставить себя спать, считая в уме гиппогрифов — красивых животных, о которых рассказывал отец, и которых он видел на картинках. С живыми гиппогрифами Альбус еще не встречался, но отец обещал, что в школе он обязательно познакомится с парочкой этих волшебных существ.

Утро встретило любителя тайн неуважительной тряской и чьим-то громким голосом:

— Поттер, подъем!

Поттер и не думал подниматься в такую рань. Еще чего? Отпрыск самого известного во всей Британии волшебника решил, что после бессонной ночи, полной сумбурных мыслей и стараний разгадать чужую тайну, он имеет полное право отоспаться подольше. Но, по-видимому, так думал только он один, поскольку стоило ему отмахнуться и вернуться к прежнему сладкому посапыванию, как раздалось раздраженное:

— Агуаменти!

И хранителя страшной тайны тут же окатило ледяной водой. Альбус Северус Поттер, злой как тысяча маленьких синеньких пикси, вскочил на кровати и, схватив с тумбочки свою палочку, встал в атакующую позу, как учил отец, широко расставив ноги и

чуть откинувшись назад верхней половиной тела, чтобы иметь возможность для быстрых и плавных взмахов рукой.

Темнокожий обидчик Джон Забини, весело рассмеялся, сверкнув белыми зубами, ничуть не напуганный грозным видом Поттера-младшего. Альбус сонно поморгал и решил не нарываться на конфликт. Он развернулся, посмотрев на соседнюю кровать. Там, скрестив ноги, сидел Скорпиус Малфой, погруженный в чтение какой-то книги и меланхолично пережевывающий конфету. Этикетки от этих конфет аккуратной горкой лежали на тумбочке, сложенные одна к одной. «Вот же эстет недоделанный!» — подумал Альбус, и ему жутко захотелось сбросить со смазливой рожицы выражение вселенской безмятежности. Издав боевой клич Поттеров, который, честно говоря, гораздо лучше получался у Джеймса и Поттера-старшего, младший сын народного героя кинулся на кровать мальчишки, которого еще не мог считать другом. Но его так здорово было выводить из себя, методично и долго, выжидая, когда безразличие в голубых глазах сменится недоумением, раздражением, яростью, да хоть чем-нибудь! Лишь бы не видеть этот колкий мороз, который грозил заморозить любого, кто посмеет подойти слишком близко.

— Придурок, это же не я тебя облил, — спокойно и рассудительно произнес Скорпиус, прижатый к собственной кровати жутко надоедливым и бесцеремонным недоразумением по имени Альбус Поттер. Не зря, ох не зря отец пребывал в долгом и мрачном ступоре, когда из газет узнал, что Гарри Поттер отправляет своего младшего сына в Хогвартс, как раз в тот же год, что и он Скорпиуса. Определенно, во всем был скрытый смысл.

— Угу, — задорно промычал Альбус, — а «попробуй агуаменти, больше этого олуха ничем не разбудишь» мне приснилось, да? — он скатился со слизеринца и обиженно засопел, сидя на полу и подпирая спиной малфоевскую кровать. Забини уже давно исчез в ванной, а остальные соседи по спальне в количестве двух человек, Винсента Гойла и Чарли Нотта, делали вид, что усиленно заняты утренним сбором учебников и своим внешним видом. Но, всегда чуткий к чужим эмоциям, Альбус уловил напряжение, повисшее в воздухе, он понял, что за ним наблюдают. Наблюдают пристально и внимательно. Почему?..

Скорпиус поймал взгляд Чарльза и, как-то быстро подобравшись, сполз с постели с другой стороны. Альбус проследил за ним, усмехнулся и доброжелательно провозгласил:

— Доброе утро всем! — после чего направился в ванную, откуда только что вышел Джон.

— Поттер… — тихо и как-то растягивая слоги, произнес Нотт, — очередь надо занимать. Сейчас я иду умываться, а ты последний встал, вот и будешь последним.

Винсент поджал плечи и неуверенно взглянул на своего друга, словно ожидая от Альбуса каких-то неприятностей.

— Не слышал о таких правилах, — осклабился Альбус и удивился тому, как спокойно и иронично прозвучал его собственный голос.

— А я тебе проясню ситуацию, — Нотт встал и кошачьей походкой направился к Альбусу.

— Ты — Поттер. Он — Малфой. Я — Нотт, а это — Гойл и Забини. Тебе о чем-нибудь говорят эти имена? — в голосе однокурсника было столько горечи, что Альбус как-то сразу растерял всю свою браваду и уставился, не моргая, в карие колючие глаза худого нескладного мальчишки перед ним.

— Я выучил, как вас зовут, спасибо, — прошептал он и нервно сглотнул, чувствуя, как напряжение накрывает его, словно облако густого и плотного тумана.

— Так вот, — глаза собеседника превратились в щелочки, — тебе здесь не рады, Поттер. Только потому что ты — Поттер, и твое долбаное место на Гриффиндоре, факультете благополучных и сытых детей. А здесь — другая история. Мы другие. У нас не было такого детства, как у тебя… Что, пикники с семьей по выходным, рассказы родственничков о геройских буднях и увлекательные квиддичные полеты с героем-отцом? У нас этого нет, Поттер. Мы — дети Пожирателей Смерти. И родители многих на этом факультете погибли от рук таких, как твой отец, а если не погибли, то в Азкабане. Наши семьи лишены прав, счета заморожены, и только нам, их детям, любезно позволено учиться в школе, получать образование, ступать на путь истины, — Нотт рассмеялся колко и сухо.

Альбус стоял, опустив голову. Он ничего не знал о Пожирателях Смерти и их детях, кроме того, что именно против них сражался отец и все его друзья, что именно они убили родителей Тедди Люпина, брата-близнеца дяди Джорджа, который полностью спился после этого и теперь представлял собой жалкую пародию на человека. Жил он с их старой бабушкой Молли, которая изо всех сил старалась тянуть все заботы на себе, но с каждым годом это становилось все сложнее и сложнее. Именно они несли смерть, и именно Гарри Поттер им помешал (не без помощи верных друзей, конечно же, как любил

добавлять дядя Рон). А теперь, слушая резкие слова Чарли Нотта и рваные выдохи, что с трудом вырываются сквозь его стиснутые зубы, Альбус начал понимать, что здесь ему действительно не рады. О чем думал этот старый кусок фетра, распределяя его сюда?! Как вообще можно было представить, что Поттер может быть на Слизерине?! Как теперь жить среди этих холодных глаз и едких фраз?.. Но он не позволит собой помыкать. Он — сын героя. Отец не должен думать, что его сын струсил. Он не станет просить отца перевестись на другой факультет: просьбу заслуженного аврора и героя войны наверняка бы учли. Но он — сын своего отца. Да, у него было счастливое детство, а вот у Гарри Поттера нет. И это не значит, что он озлобился и стал похож на этого страшного заморыша Нотта. К тому же Скорпиус. Скорпиус не относился к нему так. Правда?

— Тебе лучше уйти, Поттер, — деревянным голосом произнес Малфой за его спиной.

Оглядев напряженные плечи, сощуренные глаза и сжимающиеся кулаки своих сокурсников, Альбус подумал, что обойдется без умываний, а сполоснуть лицо можно и в общем туалете. Ничего. Подхватив с пола заранее собранную сумку, он, хлопнув дверью, гордо вышел в гостиную, по которой уже сновали, собираясь, слизеринцы старших курсов.

На появление Поттера они не отреагировали, лишь несколько студентов внимательно осмотрели его с ног до головы и продолжили заниматься своими делами. Но и приветствия он ни от кого не услышал. Стало как-то одиноко и холодно. Он не привык к такому. Он привык, что все ему рады и улыбаются, что весь мир для него и светится доброжелательностью. Когда все так резко успело поменяться? Альбусу захотелось стать очень маленьким и провалиться сквозь землю. Смешно. Куда тут проваливаться, если ты и так уже под землей, глубже некуда…

***

В Большом зале было шумно, как впрочем, всегда. Альбус с тоской посмотрел на гриффиндорский стол. Джеймс встал и неспешно направился к нему.

— Привет, — сказал он тихо.

— Привет, — ответил Альбус, и что-то сжалось где-то в горле. Джеймс сейчас был его единственной связующей ниточкой с семьей. Он, конечно, не отец, но близкий и родной человек. Его семья.

— Э… как ты? — спросил Джеймс еще тише, и Альбус вдруг осознал, что тот стесняется его, своего брата, попавшего на «неправильный» факультет. Стало еще холодней, будто кто-то применил заклятие заморозки, что использовала мама для

хранения продуктов.

— Нормально, — ответил Альбус и, высоко вскинув голову, направился к столу своего факультета.

В зал вошли первокурсники — слизеринцы. Они шли вместе, но Альбус к своему удовлетворению заметил, что Малфой немного отстает. Вроде с ними и вроде нет. Поттер улыбнулся, и было понятно, что эта улыбка адресована Скорпиусу. Малфой-младший нервно сглотнул и отвернулся.

«Придурок, слушаешь идиотов!» — разозлился Альбус и решил, что больше не будет с ним разговаривать. «Не хочешь и не надо! Я не навязываюсь!» — Альбусу снова захотелось разрыдаться, как вчера на ступенях. Внезапно в открытое окно ворвалась белая сова, в которой мальчик без труда узнал старую сову отца по имени Лимп. Ее подарила тетя Гермиона, говорят, она специально заказывала где-то белую, достаточно редкой породы. В когтях Лимп Альбус с ужасом разглядел вопиллер. Настоящий вопиллер! Теперь все услышат, как его семья обрушивает позор на его лохматую темноволосую голову. Ведь ему не простят Слизерина, ой, не простят… вечный изгой… какой ужас... Альбус чувствовал, что слезы вот-вот потекут по лицу, предательские и злые. Но он все-таки сдержался, лишь вцепился в деревянный угол стола изо всех сил, сдирая и без того короткие ногти и стискивая избитые после вчерашнего кулаки. Но руки пришлось из-под стола достать, чтобы развернуть вопиллер. Потому что Альбус знал, что если этого не сделать, то можно получить парочку гнойников на лицо или еще что-нибудь страшное и отвратительное.

— Альбус Северус, — произнес такой родной голос отца, и зал тут же замер. «Даже жевать прекратили, поганцы. Что, любопытно?.. Ну, наслаждайтесь, что еще сказать…». — Мы поздравляем тебя с прибытием в Хогвартс и очень гордимся тобой. Распределение на Слизерин говорит о том, что ты можешь и станешь действительно сильным волшебником. Не слушай никого, помни, что мы с мамой всегда готовы поддержать тебя.

Твой отец, Гарри Джеймс Поттер.

Альбус не поверил собственным ушам. Никаких «ты опозорил семью Поттеров, ты недостоин имен, которые тебе дали» и прочей чуши, что так упорно доказывал ему Джеймс еще перед отправкой в Хогвартс. Отец все-таки любит его. А остальное действительно неважно. И Альбус почувствовал, как настроение стремительно улучшается, ведь впереди школьный день, полный нового и интересного.

Встав из-за стола, Альбус решил дождаться Скорпиуса, его обиды быстро сменялись симпатиями, ведь Малфой ничего

плохого ему не сделал и не сказал, а общность тайны и вчерашняя драка делали его только притягательней. Скорпиус спокойно поднялся и направился к выходу.

— Стой! — окрикнул его Альбус. — Я же тебя жду!

— Меня?.. — переспросил Малфой–младший и мелкие, аристократически тонкие черты лица разгладились, на губах показалась улыбка... и тут же исчезла.

— Зачем? — спросил он довольно резко, и Альбус краем взгляда заметил проходящего мимо Нотта, который внимательно прислушивался к их разговору.

— Ну, так, просто. Одному скучно. Пойдем?

Скорпиус выдержал паузу и ответил равнодушно, старательно смотря в сторону:

— Пойдем.

— Ой, а ты знаешь, я так боялся, что отец расстроится из-за того, что я на Слизерине, ну, что здесь Пожиратели учились и многие темные волшебники, а он… а он меня поддержал, представляешь?

— Представляю, — казалось, бледные губы даже не приоткрылись, когда Скорпиус произносил это.

— Ой, прости! Твой же отец тоже, я не подумал... прости… я даже рад, что здесь оказался, это же факультет сильных волшебников и... — ляпнул Альбус и тут же пожалел о том, что сказал. Потому что врать у него никогда не получалось. Он не был рад тому, что на Слизерине, скорее, это вгоняло его в холодное и беспросветное отчаянье. И Скорпиус мгновенно уловил, что он врет. Альбус увидел, как в его глазах равнодушие сменилось откровенным презрением. И зачем он ляпнул про его отца? Но это же правда… «А всегда ли она к месту, эта правда?» — внутренний голос решил проявиться как раз вовремя. Кажется, он так и не будет Малфою другом. Ну и ладно. Не очень-то и… Но дело в том, что хотелось, и еще как.

Детские шалости

Школьные дни пролетали быстро, уже через две недели начались тренировки полетов. Летать Альбус уже давно умел. Отец купил ему лучшую метлу, юбилейный выпуск «молния millennium»: тонкая, изящная, она являлась продолжением ловкой руки и так и тянула в полет, в небо. Но строгая преподавательница, постаревшая, но все еще в отличной форме мадам Хуч, не разрешала подниматься высоко. Не выдержав искушения и желания покрасоваться, Альбус задорно ткнул стоящего рядом Скорпиуса под ребра. Приятель неодобрительно скривился, но в голубых глазах зажегся огонек интереса, и равнодушие утекало оттуда, словно по мановению волшебной палочки. — Ну, давай же! – прошептал Альбус одними губами, подбивая Скорпиуса на авантюру. Он был уверен, что тот его понял. Ну, а кто еще? Не Розу же звать с собой, хоть и летает она тоже хорошо, но все-таки девчонка, а посоревноваться по-настоящему хотелось с равным по силе, таким же как он, и Малфой вполне годился на эту роль. Поэтому, когда мадам Хуч показала им маленький золотой мячик-снитч, конечно, спящий, то Альбус еще раз мельком взглянул на соседа, уловил вспыхнувший румянец на высоких скулах и, резко сорвавшись с места, подхватил мячик прямо из рук преподавателя, после раскрыл его и запустил в воздух со всей силы. А дальше… дальше началось самое интересное. Скорпиус не удержался и рванулся за ним, про себя ругая свою несдержанность и проклиная тот день, когда подал руку «подлому Поттеру», подбившему его на этот поступок, который никак не вяжется со спокойным и выдержанным образом Малфоя, в точности, как учил отец. Но самому Скорпиусу этот образ надоел до зубовного скрежета, именно поэтому, почувствовав легкость полета и необыкновенное, ни с чем не сравнимое ощущение азарта, он плюнул на все сомнения и рванул за снитчем вместе с Альбусом. Мадам Хуч стояла, застыв и открыв рот, видимо, полностью опешив от такой откровенной наглости. А двое мальчишек, рванувшихся в небо за снитчем, были хороши. Необыкновенно хороши. И когда с высоты уже было практически не разобрать лиц, мадам Хуч подумала, что у нее де жа вю. Ее ощущение, что в небе сейчас Гарри Поттер и Драко Малфой снова оспаривают свое право на победу, крепло с каждой минутой. Вот только оба, теперь уже однозначно, ловца, были в зеленых мантиях Слизерина, а это возвращало в реальность и напоминало, что сейчас не матч по квиддичу, а двое обнаглевших учеников

вырвались из–под бдительного учительского контроля. Громко свистнув в свисток, призывая к порядку разгалдевшийся класс, мадам Хуч быстрым шагом направилась к раздевалке за своей волшебной палочкой, чтобы спустить сорванцов вниз. В небе же разыгрывалась нешуточная борьба за снитч. И когда и Альбус, и Скорпиус одновременно заметили в середине поля снитч, то рванули к нему на одинаково бешеной скорости, выжимая из своих дорогих и быстрых метел все, на что они были способны. Невольные зрители только ахнули, когда мальчишки помчались друг к другу, и через пару секунд стало понятно, что на такой скорости столкновения не миновать. А преподаватель уже выводила легкие пассы палочкой, чтобы замедлить, не дать столкнуться… но было поздно. Лишь в последнюю секунду черноволосая фигурка чуть метнулась в сторону, и раздался отвратительный скрежет двух древков друг о друга, а после стремительное падение одного из малолетних авантюристов. Второй успел удержаться, и отчаянно цепляясь за свою изувеченную метлу, замедлить падение. Упавший мальчишка не шевелился. Еще издалека можно было заметить необыкновенного оттенка платиново-золотистые волосы, полностью скрывшие лицо, искаженное от боли.

Отбросив остатки того, что было когда-то новенькой, красивой метлой, Альбус подбежал к неподвижно лежащему Скорпиусу. Его левая рука была неестественно вывернута, а глаза закрыты.

— Скорп… — прошептал Альбус, отчаянно понимая, что детские игры кончились, и теперь придется отвечать за мимолетную шалость, но самое главное - это Скорпиус, лежащий в пыли стадиона мешком из темно-зеленой мантии. Нереально, будто во сне. Разговаривал с ним, чуть в своей надменной, но уже привычной манере, так легко подхватил его идею сорваться в этот полет, а теперь лежит и молчит. Леденящий ужас сковал по рукам и ногам, заползая внутрь, окутывая холодом каждую клеточку тела и замораживая мысли. Отпихнув окаменевшего Альбуса, к Скорпиусу уже со всех ног бежали ученики и преподаватели, видимо, увидевшие сноп красных искр, вырвавшийся из палочки мадам Хуч, означавший чрезвычайную ситуацию на поле. Альбус смотрел как будто со стороны, голоса доносились глухо, как через толстый слой материи, перед глазами замелькали темные точки и он вспомнил, что при падении все-таки больно ударился. Это была его последняя мысль. Альбус Поттер кулем свалился на землю и уже не видел подбежавшую к нему Розу Уизли, и уж, конечно же, не знал, что директор приняла решение срочно

связаться с мистером Поттером и мистером Малфоем. Очнулся Альбус в больничном крыле Хогвартса. Здесь он был впервые и поэтому не смог побороть любопытства и изучил белый потолок и стены небольшого помещения. На соседней кровати обнаружился Скорпиус Малфой, который что-то с увлечением жевал. И можно было бы убедить себя, что все в порядке, если бы не его болезненный вид: кожа из бледной превратилось в бледную до синевы, под потухшими голубыми глазами залегли безобразные синяки, хрупкие запястья выглядели неправдоподобно худыми. "Интересно, я выгляжу так же жутко?", – пронеслось в голове у незадачливого ловца. — Очнулся. – констатировал Скорпиус безо всякого выражения, но в его глазах Альбус уловил что-то, что можно было бы назвать...радостью?... — Ага,— пробормотал Альбус, — хреново выглядишь, – добавил он улыбнувшись. — Где только выражений понабрался, стервец! – раздался от двери голос, который Альбус в равной степени хотел услышать, но и побаивался. — Никак от тебя научился, Поттер, и почему я не удивлен? Ваша семья о манерах и не слышала, — протянул еще один голос, абсолютно незнакомый Альбусу, но весьма знакомый Скорпиусу, потому что он чуть сжался в комок и на его лице ясно можно было прочитать только одно желание: залезть под одеяло и не вылезать оттуда, пока посетители не уйдут. Альбус встретился с пронзительным и тяжелым взглядом своего отца. Гарри Поттеру трудно было смотреть в глаза. Наверное, он слишком много пережил. Жесткий, нелюдимый взгляд, зрачки, скрывающие зверя, что в любой момент может выбраться на свободу. Однако если дело касалось его детей, то жесткость в этих глазах сменялась мягкостью и теплотой. Но в этот раз Поттер-старший не смягчился, он продолжал смотреть на Альбуса, как на чужого. Вот только младшего Поттера не обмануть, он – сильный эмпат, способен улавливать чужие эмоции на расстоянии. За стеной отцовской холодности, он уловил... да, да... настоящий юношеский задор. И вдруг облегченно улыбнулся отцу, поняв, что между ними ничего не изменилось, а спектакль "строгий отец – нерадивый сын" разыгран ради кого угодно, только не для самого Альбуса Северуса. — Скорпиус. – строго произнес незнакомый мужчина, присаживаясь на кровать к своему сыну. «Они так похожи!» — удивился Альбус, «Прям, как я на папу». Вот только не хотел бы он быть тем, кто заглянет в глаза мистеру Драко Малфою. Альбус не видел еще этих серебристых, невероятно ледяных глаз, но чувствовал, что его взгляд именно такой, и что меньше всего на свете, ему захочется это проверить. Однако, Скорпиус не боялся своего отца, они смотрели друг на друга чуть склонив две

блондинистые головы на бок. «Так вот откуда этот жест!». И вдруг Альбус и Скорпиус не сговариваясь, пропищали: — Папа! – и повисли у отцов на шее. Поттер-старший рассеяно погладил сына по голове и сказал: — Альбус, ситуация очень неприятная. Я понять не могу, как ты до такого додумался. Понимаешь, я пришел, что бы выяснить, кто из вас зачинщик этого... этого… безобразия, — выдавил он из себя, и Альбусу показалось, что он готов рассмеяться. Наверное, показалось, потому что в зеленые отцовские глаза снова вернулась строгость и жесткость, — директор настаивает на наказании за нарушение дисциплины, и я с ней полностью согласен. — Кто бы сомневался, — пробормотал мистер Малфой, осматривая и ощупывая руку сына, которая была сломана очень неудачным образом. — Так кто? Зачинщик будет отстранен от игры в квиддич, — безжалостно сказал отец, — так как вы оба продемонстрировали отличные качества ловца, остаться на игру может только один. Альбус почувствовал, как из глаз поползли злые слезы. Зачем же так? Он же... он же… Да как же? Без квиддича?... Это же мечта! Отец же знает! Неужели он так уверен, что Скорпиус виноват? Неужели он так разочаровал собственного отца? Подняв, полные детских, прозрачных слез глаза, Альбус понял. Отец точно знает, что виновен он, его сын. И хочет таким образом наказать его. Альбус закусил губу до крови и, почувствовав соленый вкус во рту, понял, что сейчас разрыдается, когда с соседней кровати раздался спокойный голос: — Это я виноват. — Что? – спросил мистер Малфой, смотря на своего сына так, будто он сморозил несусветную чушь. — Это я виноват, — медленно повторил Скорпиус, смотря отцу прямо в глаза, — это я подбил Поттера на полет. Он не хотел нарушать правила. Прости, отец, – тихо сказал он и отвернулся. Альбус промолчал. Желание играть пересилило поползновения совести, которая скреблась когтями в груди и просилась на свободу. Когда отец и мистер Малфой поднялись, сочтя визит оконченным, отец полностью выдержал тяжелый малфоевский взгляд, от которого любой другой уже бы замерз на месте, и пропустил его вперед, чтобы улыбнуться и подмигнуть Альбусу, который мог лишь выдавить из себя нечто, что полуулыбкой назвать было бы сложно. Мистер Малфой шел с абсолютно прямой спиной и в каждом жесте, адресованному отцу, скользило презрение. Альбуса это непонятным образом злило, хотя он и понимал, что не стоит лезть в отношения отца с кем бы то ни было. А еще он подумал, что дядя Рон, наверное, все же был прав. Хорек.. хи… прикольно! После того, как дверь тихонько прикрылась, в палате воцарилась абсолютная тишина. Через несколько минут молчание стало невыносимым. Альбус понял, что больше не может. — Зачем?...

Спасибо… – сказал он тихо, с опаской косясь на соседа. — У меня сломана рука. И не просто сломана, а с какими-то там осложнениями. Я не смогу взять в руки метлу еще две недели, даже при усиленном приеме костероста. А тренировки начнутся уже завтра, а первый матч через три недели. У слизеринской команды нет ловца. Ты – хороший ловец, значит, ты должен отстаивать честь нашего факультета, а кто, кому… неважно… я сорвался за тобой, хотя не должен был. Поэтому засунь свои благодарности себе в задницу и, будь добр, просто поймай несчастный снитч. Да и… еще… постарайся со мной не разговаривать. Пока, по крайней мере, – похоже, это была самая долгая речь, услышанная Альбусом от Малфоя-младшего за все две недели пребывания в Хогвартсе. Слезы струились по щекам, во рту была горечь, а сердце щемило от непонятного и неизвестного чувства. Альбус отвернулся от Скорпиуса и, попытавшись убедить себя, что это его выбор, вскоре уснул. Сон будущего ловца всех снитчей был беспокойным и недолгим. Он проворочался на кровати примерно с полчаса и осторожно спустил ноги, чуть касаясь холодного пола. Одежда была спрятана бдительной миссис Помфри, которая хорошо знала о том, что выздоравливающие подростки очень любят сбегать из больничного крыла в самый неподходящий момент. Альбус тихонько встал и сделал шаг. Прикосновение к холодному каменному полу было настолько неприятным, что хотелось немедленно забраться под теплое одеяло и спать до утра. Но что-то внутри, что разъедало его после вечернего разговора со Скорпиусом, и что он назвал бы совестью, будь постарше, заставило его двигаться по направлению к двери. Оглянувшись на кровать Малфоя, он увидел только белобрысую макушку, чуть выглядывающую из-под темного больничного одеяла. «Замерз!» — вынес свой вердикт Альбус и почувствовал, как же ему холодно. Между тем, непонятное чувство продолжало гнать его вперед, босиком и в тонкой больничной пижаме. Хогвартс спал. Лишь изредка раздавались тихие шаги завхоза и его недовольное ворчание. Он был уже совсем старик, и передвижение давалось мистеру Филчу с большим трудом. Говорят, когда-то у него была кошка, к которой он был сильно привязан, но она уже давно умерла от старости, и теперь Филч тенью бродил по школьным коридорам, стараясь следить за дисциплиной, как и раньше, но у него уже плохо получалось. Чтобы не обижать заслуженного завхоза школы, директор не смещала его с поста, однако сама предпочитала лишний раз пробежаться по темным коридорам в своей кошачьей анимагической форме во избежание неприятностей. Альбус не знал ничего об анимагии и , тем более,

анимагической форме директора. Он просто аккуратно пробирался к ее кабинету, так как был уверен, что с директором надо поговорить прямо сейчас, иначе это чувство, что так крепко вцепилось в него и не отпускает, просто разорвет его на части. На тысячи мелких Альбусов Северусов, который повел себя как последний трус. А теперь он совершит храбрый поступок. Вот. Он расскажет обо всем директору, и пусть его накажут. Это лучше, чем щемящее нечто в груди, от чего хочется разрыдаться и провалиться сквозь землю. «Сквозь землю не стоит», — пронеслось в голове. Подземелья Хогвартса – это Слизерин. Это ненавистный факультет, к которому он имеет самое непосредственное отношение, и меньше всего он хотел бы оказаться там сейчас. Один. Без Скорпиуса. Хотя теперь уже точно без него. Он же сам попросил с ним не разговаривать. Значит, этим странным, вроде-приятельским отношениям конец. Пройдя по коридору и миновав длинный извилистый проход, Альбус решил, что попал-таки к цели. И, дернув ручку двери, которая даже не была заперта, смело шагнул внутрь. И тут же был встречен грозным, пристальным взглядом черных глаз. Смотрел человек с портрета. Тот самый, что смеялся в день распределения. Теперь портрет стоял здесь. И незнакомец смотрел на него, не моргая. — Поттер?.. – спросил чуть растеряно. Мальчик судорожно вздохнул. Он, конечно, знал, что можно общаться с ушедшими через портрет. Это не было настоящим общением, но какие-то сведения от предков можно было получить. В конце концов, это всего лишь портрет, пусть и имеющий магическую связь с душой умершего мага, с его сущностью. А теперь Поттер-младший испугался. Взгляд человека в черном чуть смягчился. — И что ты тут делаешь, Альбус Северус? – вкрадчиво спросил он. — Ищу, — сглотнуть наконец получилось. И даже дышать вроде тоже удавалось. Через раз. — Что? – черные, глубокие глаза чуть сощурились, — если я не ошибаюсь, запретная секция библиотеки в другом месте. — Нет! А откуда вы… а я.. Ди.. ректора, — и когда это Альбус начал заикаться? — Ты немного не туда зашел. А зачем тебе профессор Макгонагалл? Беседа все больше походила на некий допрос, и Альбус чувствовал, что ступни скоро примерзнут к полу, что определенно не добавляло комфорта к его положению. И тут он на себя разозлился. В конце концов, это всего лишь портрет. Всего лишь. Портрет. Каким же магнетизмом обладал этот человек, если и после смерти он практически гипнотизирует своим тяжелым взглядом? — А как вас зовут. И кто вы? – спросил Альбус, резко выдохнув. — Северус. Меня зовут Северус Снейп, а тебе лучше поторопиться и все-таки узнать, где в этой школе запретная секция. Иногда нарушение правил — это

единственный выход из ситуации, — ответил человек на портрете, и Альбусу тут же захотелось убежать. Далеко. Может, даже прямо домой. — Ой, — пискнул он и, захлопнув дверь странной комнаты, прислонился с другой стороны, тяжело дыша и чувствуя, как накатывает предательская слабость. Северус Снейп. Один из директоров Хогвартса, в чью честь его и назвали. Человек, который сыграл чуть ли не самую важную роль в исходе магической войны. Человек, которого бесконечно уважал его отец, однако никогда не показывал детям его портрета. Стало страшно. Ночной Хогвартс бдительно хранил свои тайны, и они вряд ли были по зубам одиннадцатилетнему мальчишке. Тем более, Альбус вовсе не забыл про клочок пергамента у него под подушкой, а желание забраться в запретную секцию все росло и росло день ото дня. Он не разговаривал об этом со Скорпиусом, боялся насмешек, боялся, что тот расскажет сокурсникам, которые после этого его засмеют. Теперь он понял, что пора, наконец, все выяснить. А для этого.. . Для этого нужна отцовская мантия-невидимка. И он ее достанет. Он прекрасно помнит, что Джеймс утащил ее с собой в Хогвартс без отцовского ведома, и за молчание Альбуса по этому поводу, ему придется делить уникальную вещь с младшим братом. И Альбус отправился обратно в больничное крыло, рассудив, что признание директору подождет. Конечно, ни один бы гриффиндорец так не поступил бы. Наверное. В любом случае, Альбус Северус Поттер был распределен не на Гриффиндор, и поэтому он решил оставить все как есть. В конце концов, никто Малфоя за язык не тянул.

Немного о совести и любопытстве

На следующий день Альбусу разрешили вернуться в общежитие. Когда он переоделся и собрал свои вещи, Скорпиус еще спал. Альбус хотел попрощаться и сказать, что обязательно будет заходить к нему, поэтому присел на тщательно заправленную кровать, чтобы подождать, когда Малфой-младший соизволит проснуться.

Дверь открылась, и Альбус подумал, что это миссис Помфри пришла спросить его, почему он так долго возится, ведь она уже давно сказала ему идти в подземелья Слизерина, чтобы успеть к завтраку. Он уже придумывал различные убедительные варианты ответа, когда понял, что это не колдомедик.

Мистер Малфой коротко взглянул на него и, не ответив на робкое «Доброе утро, сэр», направился к сыну. Альбус до конца решил бороться за свое право пожелать сокурснику доброго утра (он очень вежливый мальчик все-таки!), но тут мистер Малфой оглянулся, и Альбус встретился с холодным взглядом стальных глаз. Альбусу показалось, что он задыхается: взгляд гипнотизировал, давил, требовал подчиняться, а еще там был такой океан невысказанной боли, что только от одного этого можно было умереть на месте безо всяких заклятий.

— Мне очень хочется применить легилименцию, крысеныш, — мягко сказал Малфой-старший. Так же мягко и довольно может мурлыкнуть кошка перед тем, как заполучить добычу в свои острые когти и растерзать, — но твой папочка-аврор сотрет меня в порошок, и мы оба об этом знаем.

Находясь в легком ступоре от осознания того, что в его мысли мог вторгнуться кто-то чужой, Альбус смог изобразить только невразумительный кивок. — Ты подбил моего сына на опасность, ты лезешь к нему, навязывая свое общество, в котором он не нуждается. По нелепой и глупой выходке маразматической шляпы ты учишься с моим сыном и, будь я проклят, если это добавляет хоть каплю спокойствия в мою жизнь. Альбус. Северус. Поттер. Ты больше никогда не будешь общаться со Скорпиусом. Ты меня понял? – глаза в глаза. Мальчишка съеживается, ему кажется, что он стал совсем маленьким. Да все, что угодно, лишь бы прервать этот контакт глаз, лишь бы серые, как небо перед грозой, глаза, наконец, отпустили его из своего плена и позволили жить дальше. Он быстро кивает и облегченно сглатывает, когда Драко Малфой поворачивается к Скорпиусу. Почему мистер Малфой так уверен в том, что это он зачинщик, ведь его вину взял на себя Скорпиус. Почему?... Или он не боится

применять легилименцию к собственному сыну? Чушь! К детям нельзя применять легилименцию – это каждый знает, тем более, вчера здесь был отец, а такие вещи он отслеживает в два счета. Отец. Альбус вдруг усмехнулся.

— Я буду общаться с тем, с кем захочу, – твердо произнес мальчик, и смело взглянул на собеседника огромными глазищами. Драко Малфой непроизвольно вздрогнул от ощущения де жа вю, что сковало по рукам и ногам, вот только… вот только в этом возрасте не было у Гарри Поттера такого взгляда. Твердого, уверенного в себе. — Правда? – чуть насмешливо спросил мистер Малфой, снова вцепившись ледяными, колючими глазами в лицо малолетнего наглеца. — Да, — голос мальчишки даже не дрогнул, — а если вы сейчас не прекратите так на меня смотреть, то я расскажу отцу, как вы собирались применить легилименцию по отношению ко мне. Драко Малфой пристально изучил каждую черту побледневшего лица со следами зарождающейся паники, и вдруг рассмеялся. Весело, искренне, он смеялся долго и со вкусом, пока на серые глаза не навернулись слезы.

— Паршивец… Слизеринец, твою мать… о... да, теперь я понимаю… Если бы я хотел, ты бы забыл об этом разговоре и никто бы и никогда ничего не узнал. Но я не стану этого делать. Считай, что ты меня удивил. Странно только, что твоя фамилия – Поттер… Ты знаешь, — вдруг серьезно сказал он, — а я завидую

своему сыну, — после этого, Малфой-старший направился к выходу, предварительно аккуратно поправив одеяло Скорпиусу и нежно пожав пальцами его сломанную руку. В этом жесте была трогательная, мимолетная забота, что совершенно не вязалось с холодным и высокомерным обликом Драко Малфоя.

— Мистер Малфой, — окликнул его Альбус, поражаясь собственной смелости и дрожа внутри, как осиновый лист.

— Да? – Малфой— старший смотрел на него без злобы, пытливо, как будто силясь понять что-то. — Вы не поговорите со Скорпиусом? – в голосе плохо скрытое напряжение.

— Нет, — как-то весело и легко фыркнул он, — мне беседы с его другом вполне хватило. Да и я... передумал… Вот только не думай, что я поверю в этот бред, насчет того, что мой сын – зачинщик. Я слишком долго вбивал в его голову неприятие безрассудных поступков, чтобы это было правдой. Ты меня понял? – на секунду в серые глаза вернулся лед, и Альбусу показалось, что он обжегся об него. Не в силах справится с нарастающим волнением, он до боли прикусил губу и отвернулся. — Да, сэр, — пробормотал он, а когда осмелился взглянуть в сторону двери, то там уже никого не было. Скорпиус чуть шевельнулся и открыл глаза. Мутный со сна взгляд побродил по комнате и остановился на Альбусе. — Привет! – расцвел Альбус широкой, белозубой улыбкой. — Я же попросил, — буркнул Скорпиус, отворачиваясь набок и натягивая одеяло на белобрысую макушку. — Ага. Я помню. Так я и не прошу тебя со мной разговаривать. И я не с тобой разговариваю. Я просто сам с собой разговариваю. Вот. Так вот, я желаю своему другу, да, да, другу Скорпиусу Малфою, побыстрей поправиться. Я вчера такое узнал… Я говорил с портретом самого Северуса Снейпа, прикинь? И он мне сказал, чтобы я отправлялся в библиотеку и нашел запретную секцию. Вот. А я без тебя не пойду, я достану у Джеймса мантию и дождусь, пока тебя выпишут. Мы вместе узнаем эту тайну, разве не здорово? К макушке присоединился острый нос и пара пронзительных глаз, недоверчиво выглядывающих из-под одеяла. — Ну, я пошел. До свидания. До свидания, больничное крыло. – Альбус, не выдержав, сам рассмеялся собственной шутке, поняв, что приятель проявляет интерес к его рассказу. Он успел заметить голубые глаза, в которых плескалось любопытство. Теперь можно и уходить. Доверял ли Альбус Скорпиусу настолько, что бы делиться такими тайнами? Доверял. Ведь никто и никогда еще не причинял боль маленькому Поттеру. Слизерин встретил Альбуса тишиной. Все давно были на завтраке. Идти в большой зал и становится объектом внимания множества студентов не хотелось. Поэтому, вздохнув, Альбус решил обойтись без завтрака и

мужественно дождаться оканчания занятий и обеда. Закинув сумку с учебниками на плечо, он с тоской взглянул на аккуратно прибранную кровать Скорпи и отправился грызть гранит науки. Зелья. Помнится, данный предмет принес много неприятных минут его отцу, и все по вине преподавателя, того самого Снейпа. Ага. Чуть ли не ненавидел его все шесть лет учебы, а потом – раз – и наградил сына его именем. Вот так номер! Но никто ж не знал, что Снейп весь такой из себя благородный и герой… «Не понимаю... все равно не понимаю…». Сейчас зелья преподавал профессор Лонгботтом и делал это на удивление весело и интересно. Уроки для первокурсников были живыми и занимательными в особенности, но и строгости между тем профессору было не занимать. Говорят, даже его дочь Мелисса иногда попадалась под горячую руку и вынуждена была ходить на отработки к собственному отцу. В общем, профессор Лонгботтом, герой той же войны, кстати, был абсолютно беспристрастен в отношении своих студентов, и каждый об этом знал. Класс начал наполняться студентами. Сдвоенный урок с Гриффиндором. Роза, увидев Альбуса, улыбнулась и сразу же подсела к нему. Остальные гриффиндорцы смотрели на него с опаской, ожидая, видимо, истинно слизеринских пакостей. Крис Финниган тоже было улыбнулся, ведь он знал Альбуса с детства, и тут же отвел взгляд, когда его друг одернул его, призывая не здороваться со слизеринцем. «Вроде еще и сделать ничего не успели…» — подумал Альбус. Слизерин зашел шумной и настороженной стайкой. Увидев Альбуса, Нотт скривился, как будто у него разом заболели все зубы. — Поттер. – проинформировал он товарищей, не упуская возможность всем продемонстрировать свою иронию по этому поводу. — Чарли. – сдержанно склонил голову Альбус в ответном приветствии. — Привет, как ты? – улыбнулась Адель Забини, и брат поддержал ее улыбкой. — Нормально, — пожал плечами Альбус и приготовился слушать профессора Лонгботтома, который уже был в классе. — Добрый день, ребята. Итак, пожалуй, начнем. После уроков и обеда, во время которого Альбус просидел в напряжении, борясь с сильным желанием плюнуть на все и усесться рядом с говорливой Розой и Джеймсом за гриффиндорский стол. По крайней мере, там будет тепло и привычно. Но он упрямо продолжал смотреть прямо на своих однокурсников. В любом случае старшекурсники поглядывали на него, может, и без восторга, но и без особой неприязни. Весь оставшийся день Альбус провел с гриффиндорцами и рейвенкловцами, с огромной радостью общался с братом, будто вспомнив, насколько здорово это может быть. Однако, он не мог не почувствовать, что Джим общается с ним настороженно,

словно сначала обдумывает, стоит ему рассказывать что-то про свой факультет или не стоит. Набегавшись во дворе, Альбус решил, что самое время переговорить с братом по поводу мантии-невидимки. — Джим… — нерешительно начал он. — Что? – откликнулся брат, мигом подобравшись, почувствовав просительные интонации в голосе Альбуса. — Я знаю, что ты уволок мантию у папы, — на одном дыхании выпалил он и зажмурился, потому что Джеймс вполне мог заехать и по уху за такие слова. Любя, конечно. Но весьма чувствительно. — И что?! – Джим стоял, расставив ноги, подсунув крепкие ладони под ремень синих джинсов, и раскачивался взад вперед, одаривая брата злобным взглядом. «Ну, хотя бы не отрицает, уже хорошо» — с облегчением рассудил Альбус. — Она мне тоже нужна, – твердо проговорил Поттер-младший, вспомнив утренний разговор с мистером Малфоем. Он не испугался этих ледяных глаз бывшего Пожирателя Смерти, а теперь боится собственно брата? Смех, да и только. — Я не собираюсь ее тебе давать. Не дорос еще, — хмыкнул Джеймс Поттер. — А я и не собираюсь у тебя спрашивать, – проговорил за Альбуса некто внутри него, хладнокровный и хитрый, некто, кто позволил отстоять свое право на дружбу со Скорпиусом Малфоем и взглянуть в глаза портрету Северуса Снейпа. Именно этот загадочный некто взирал сейчас на старшего брата чуть с ленцой, небрежно прислонившись к холодной стене коридора и смеривая его бесстрастным взглядом сверху вниз, несмотря на меньший рост. — Я собираюсь рассказать отцу, если ты мне ее не дашь. Понятно? — Сказал бы сразу, что тебе приспичило, — буркнул Джеймс, отводя взгляд светло-карих, практически янтарных, глаз, — да и вообще, мог бы поделиться своими секретами. — Я поделюсь, Джеймс. Обязательно. Тем более с братом. Ты дашь мне мантию, когда я попрошу. – не вопрос. Утверждение. Джеймс вздрогнул от неожиданного тона Альбуса и просто кивнул. — Пока, — прошептал он, мучительно пытаясь понять, что происходит. Но Альбус его не услышал, он спускался в подземелья. Неприятности начались сразу же, как он шагнул за порог мужской спальни первокурсников. Винсент Гойл улыбнулся, и эта улыбка не предвещала ничего хорошего. — Добрый вечер! – Альбус постарался повернуть напряженную ситуацию в сторону доброжелательности. — Добрый? – хмыкнул Чарльз Нотт и скривился в усмешке. — Я не знаю, как вы, а я устал, поэтому всего хорошего, а я – спать, — пробормотал Альбус скороговоркой и нырнул под защиту полога своей кровати. Он не видел лиц однокурсников, но почти физически ощущал плотность вязкой тишины в комнате. — Ты устал, а

Малфой по твоей милости в больничном крыле. Думаешь, мы не видели, как ты его подбивал? – раздался противный голос Чарльза. — И только то, что ты будешь ловцом нашей сборной, спасает тебя от нашей мести. Не хотелось бы покалечить надежду факультета, — Нотт скривился, явно повторяя слова старших. — Но время придет, будь уверен, — добавил он сквозь зубы. Кто-то со всего размаху запустил в полог Альбуса книгу, и мальчик вздрогнул, когда полог рухнул. Раздался смех, веселый смех трех мальчишеских голосов. Стало очень не по себе. Под аккомпанемент издевок, Альбус поправил полог и улегся спать. И только перед сном он вспомнил, что так и не поговорил с Макгонагалл о том, кто же на самом деле виноват в происшествии. «Завтра— обязательно» — подумал Альбус и уснул. Но завтра не вышло, потому что после занятий начались квиддичные тренировки. Отец прислал Альбусу письмо, в котором подробно изложил, почему он не собирается покупать ему новую метлу. Они с мамой решили, что это будет хорошей воспитательной мерой. Попользуется той, что предоставляет своим студентам школа. Прочитав отцовские рассуждения, с уютом расположившиеся на двух огромных пергаментах, Альбус Северус несколько приуныл. Он уже видел рухлядь, что в Хогвартсе именовали метлами. «Разве на этом летают?» — подумалось ему в первый момент, а во второй он понял, что не летают, а издеваются над квиддичем, по-другому и не скажешь. Но отцовское слово твердое, и Поттер-младший был прекрасно об этом осведомлен, поэтому ничего не оставалось, кроме как сцепить зубы и начать тренировки на жуткого вида метле. Слизеринцы с непониманием уставились на палку в его руке и хмуро сведенные брови. Пожали плечами, против декана Слизерина, Слагхорна (старик все еще преподавал зелья у старших курсов иногда и являлся деканом змеиного факультета), ничего не скажешь, ловец, так ловец. Однако, настоящим ударом для Альбуса стало то, что ловцом Гриффиндора в этом году будет Джеймс. Это был удар под дых. Против брата, против Гриффиндора?... и какая-то дурацкая и неуместно ревнивая мысль, а за кого будет болеть отец? Встретив его на поле, где Гриффиндор заканчивал тренировку, чтобы уступить место Слизерину, Альбус не поверил своим глазам. Да, Джеймс интересовался квиддичем, но выбран в команду на первом курсе не был. Первокурсников выбирали только на роль ловцов, а Джеймсу мать пророчила хорошую карьеру в качестве охотника. И теперь... А теперь стало обидно, чуть ли не до слез, что брат не рассказал, не поделился. Ведь знал же уже вчера. Наверняка знал. И не рассказал: «А ты, ты сам рассказал, каким путем ты стал

ловцом Слизерина? Рассказал?». Альбус поежился от этих мыслей и, пожелав брату отнюдь не доброжелательно «доброго дня», решил, что позже с ним поквитается за эту недосказанность. Видел бы их отец! Он бы очень расстроился. Эта мысль заставила испытать странное щемящее чувство в груди и с удвоенным рвением заняться квиддичем.

Первая победа

На сегодняшний матч по квиддичу собралось много народа. Помимо болельщиков и просто желающих поглазеть, еще и почетные гости. Первая игра сезона, Слизерин – Гриффиндор. Но не это собрало так много людей вместе. Главной интригой игры стало то обстоятельство, что ловцы обеих команд носили фамилию Поттер. Сам Главный аврор восседал на трибуне и поглаживал судорожно сжимающуюся ладошку его жены, Джиневры Поттер. Вся беспристрастность, написанная на его лице, была показная, что сразу было понятно его близким. Рон и Гермиона были здесь же, Роза не играла, конечно, но они пришли поболеть за племянников. Неподалеку с удобством расположился Драко Малфой вместе с сыном, рука которого до сих пор покоилась в белом гипсовом лубке. Малфой помахал Поттеру-старшему, и его губы растянулись в усмешке. Джиневра занервничала и заерзала на месте, прошипев нечто похожее на «уймись, хорек!». Малфой улыбнулся еще шире — никак услышал? — и стал пристально всматриваться в фигурки, появляющиеся в небе над стадионом под бодрый голос комментатора. — Гриффиндор! – провозгласил он с гордостью, так как сам был именно с этого факультета. Капитан команды — Фред Уизли! Гарри Поттер чуть приобнял жену, у которой по щеке скатилась предательская слезинка. Перечислив охотников, комментатор добрался до вратаря: — Кристиан Вуд! – и толпа взорвалась аплодисментами, приветствуя младшего сына известного игрока. — И, наконец, ловец отважных гриффиндорских львов, — выдержав драматичную паузу, во время которой над стадионом повисла гнетущая тишина, комментатор продолжил: — Джеймс Поттер! – Гарри почувствовал, что сердце остановилось и только-только начинает биться, отчаянно быстро, будто внезапно ухнув с огромной высоты. Сын, его сын, там, над полем, как и он когда-то… Осознание гордости за него, собственные воспоминания душили, не давали дышать. И ведь он знал, что нервы надо поберечь, что самое главное впереди, но не мог удержаться, впрочем, снаружи оставаясь таким же бесстрастным. — И команда наших хитрых змей – Слизерин! Аплодисменты, но гораздо тише. Все-таки слизеринцев мало. А тех, кто болеет за них, еще меньше. Когда начали перечислять состав команды, Поттеру-старшему вдруг стало невыносимо душно. Задорный мальчишеский голос комментатора доносился как сквозь вату. — И ловец Слизерина – Альбус Поттер! Трибуны заревели в предвкушении: Поттер

против Поттера, как тут удержаться от восторженных комментариев и свиста? А Альбус Поттер между тем сделал какой-то невероятный кульбит в воздухе, красуясь на новенькой метле с древком фисташкового цвета и посеребрением в местах захвата рук и места прикрепления гибких, изящных прутьев. Гарри Поттер поймал вопросительный взгляд Рона, и устало покачал головой. Нет, он не был готов обсуждать метлу Ала прямо сейчас. Совсем не готов. Он все еще помнил, как его сын уныло разглядывал стандартное хогвартское помело, как отворачивался от отца, зашедшего в раздевалку поддержать, и как обиженно сопел, когда тот попытался сказать что-то ободряющее. И тут как из подземелья («преисподней» — услужливо подсказал внутренний голос) появился сам Драко Малфой собственной персоной. И совершенно дружелюбно улыбнувшись его сыну (он, что забыл, что это тоже Поттер, черт побери!), он протянул ему новую метлу. — Что это? – тихо спросил народный герой, чувствуя, что сейчас покроется малосимпатичными багровыми пятнами, которые всегда расцветают на щеках и шее в приступах гнева. — Метла, – ответил Малфой, и в его голосе было столько привычного ехидства, что захотелось дать кулаком. Вот так просто. Дать в слизеринский аристократический нос своим тяжелым гриффиндорским кулаком безо всяких изысков в виде заклинаний. — Вижу, — парировал Поттер, с неудовольствием замечая, как у его сына глаза загорелись при виде нового средства передвижения. — Держи, Альбус, — сказал Малфой, как ни в чем ни бывало. Поттер-младший судорожно сглотнул и взглянул на багровеющего отца. Он все прекрасно понял. Но отказаться не мог. И чувствуя себя униженным, но не в силах ничего с этим поделать, он протянул дрожащую руку к вожделенной метле и чуть слышно прошептал: — Мне?.. — Ты думаешь, Малфой, что я не в состоянии купить сыну метлу? — медленно и четко проговорил Главный аврор, и угроза в его голосе смешалась с неприкрытой яростью. Такого отца Альбус боялся. Ох, как он его боялся. На того иногда накатывало, и тогда оставалось только сбежать из дома под благовидным предлогом, пока мама вызывала по камину дядю Рона и тетю Гермиону, и они втроем успокаивали разбушевавшегося папу. Вот и сейчас захотелось сбежать. Благо игра уже вот-вот начнется. — Я думаю, — ледяным голосом ответил мистер Малфой, выдерживая гневный взор отца, — что никак не могу позволить слизеринской команде играть на такой рухляди. Если ты позволяешь это собственному сыну, за дело, признаю, это не значит, что меня не волнует честь факультета МОЕГО сына, Поттер. А Альбус Северус достаточно взрослый, чтобы принимать решения по поводу

собственных подарков. Все. Вот теперь от осознания того, что ему не просто дают попользоваться, а ДАРЯТ эту замечательную метлу, нечто внутри Альбуса снова вырвалось на свободу и, схватив цепкими лапками подарок, не думало отпускать его. Мальчик быстро метнулся к выходу, сжимая метлу, трусливо решив не встречаться с отцом глазами, благо был уже полностью экипирован и готов к своей игре. Ощущение, что он вот так просто поссорился с отцом из-за какой-то (ну ладно, самой замечательной на свете!) метлы перед началом такого важного для него мероприятия, очень досаждало Альбусу, но он благоразумно рассудил, что отец его простит. На то он и отец. А за него будет тетя Гермиона болеть. Вот. Она сама ему по секрету шепнула. Тетку Альбус любил, она притягивала его своей прямотой и желанием делить все на белое и черное. Это было здорово — спорить с ней по какому-то ни было поводу и смотреть, как суживаются теплые карие глаза, а губы улыбаются и слышен заливистый смех. Но это не обидно. Альбус-то знает, что он всегда прав. — Что ты вообще здесь делаешь?! – аврору захотелось утащить нахала куда-нибудь и устроить допрос. Он же просто купил. Самым нахальным образом купил только что его сына! Как?! Как теперь он посмотрит в глаза Джинни? Ведь говорил же, не покупать метлу – это не выход… Не послушалась. Настояла. Вот пусть теперь и радуется. Метлу ее сыну купил Малфой. Представив лицо жены, когда она услышит подобное заявление, Гарри вдруг почувствовал, как ярость отступает, лишь ощущается легкое покалывание в подушечках пальцев. И только сейчас он увидел, что стекла задребезжали, все шкафчики открылись, а в самой раздевалке несильно, но ощутимо запахло озоном. «Старею, надо держать себя в руках». — Я пришел поболеть, – улыбнулся Малфой, похоже, ни капли не впечатленный поттеровской яростью. — За кого? – почти автоматически спросил Поттер, силясь удержать стихийную магию под контролем. — А у меня есть выбор? За Поттера, Гарри, за Поттера. Опешив, что Малфой в кои-то веки назвал его по имени, Поттер-старший на негнущихся ногах отправился на стадион, где поведал ошеломленной Джинни, что их сын будет сегодня на самой скоростной метле, выпущенной в магическом мире. И её ему подарил Малфой. Да, да, дорогая Джиневра. Удивлена? Ну, что ж. Не в моих правилах говорить «я предупреждал», но все-таки скажу, что предвидел. Он же слизеринец, Джинни, пора это уже понять. Шляпа не распределяет просто так. Он слизеринец, а они всегда… Всегда находят выход из любой ситуации. Ловцы застыли, как и положено, по краям поля. Было абсолютно непонятно их

настроение с такого расстояния, но Альбус точно знал, что у него оно подавленное, а у Джеймса – торжествующее. Вот только брата терзает смутная тревога и недовольство по поводу его, Альбуса, новенькой метлы. «А вот тебе и…!» — додумать потрясающую по своему содержанию мысль не получилось, Альбус увидел снитч. Маленький золотой мячик, дразня, пролетел прямо под носом и увернулся от ловких рук ловца Слизерина, в то время как гриффиндорский ловец тоже приметил снитч и теперь на всех порах мчался к победе. — Ловцы заметили снитч! – завопил комментатор дурным голосом, и вдруг на трибунах стало тихо. Пронзительно, невероятно тихо. Впрочем, всего на секунду. А в следующую зрители разразились овациями, выражая свою поддержку, кто – Гриффиндору (по большей части), кто – Слизерину (меньшинство, но более крикливое и несдержанное). Но в одном стадион был единогласен. И с той и другой стороны неслось: — Поттер! — Поттер, сделай его! — ПОТТЕР! И Гарри почувствовал, что находится в каком-то сюрреалистическом сне, где отовсюду слышится его фамилия. Из ступора Главного аврора выбил тягучий, чуть ломающийся голос совсем рядом: — Поттер, твою мать, идиот! Де жа вю. Нет, не Малфой. Его сын. С таким же голосом, интонациями и коронной фразой. Ощущение реальности покидало Гарри стремительно, и только две точки, сближающиеся и разбегающиеся в небе, могли держать его на грани разума. Альбус увидел снитч и тут же уловил движение слева. Бладжер. Всплеск адреналина от первой игры пьянил, заставлял мозг работать на пределе возможности, точно и мгновенно рассчитывая траекторию летящих предметов. И эта траектория в данный момент пересекалась прямо с траекторией полета Джеймса. На треть секунды стало страшно за брата, на четверть — подумалось, что это квиддич, здесь все получают бладжером, на одну восьмую – захотелось защитить… Но он не защитил, он просто смотрел, как тяжелый мяч с размаху бьет брата по голове, как тот, завалившись вперед, падает вниз, на мягкий песок. И только одно чувство бьется где-то у самого горла: поймал. Снитч в руке. Как это произошло? Когда? То есть брата не защитил, а снитч поймал?.. Ощущение предательства заползло куда-то внутрь холодным липким потом, капли которого застыли слезинками на щеках, заползло, чтобы поселиться в сердце одиннадцатилетнего мальчишки, где ничего подобного еще не было. Джеймса уже левитировали в больничное крыло, как и еще нескольких игроков, получивших бладжером по разным частям тела. А Альбус поднял кверху ладонь с зажатым в ней трепещущим снитчем. «Будто живой!». Слизеринская сторона взорвалась улюлюканьем и аплодисментами, и момент триумфа

полностью смыл весь неприятный осадок от истории с Джеймсом. Альбус убедил себя, что не мог успеть. Никак не мог. Когда он с торжествующим и ликующим видом повернулся к гостевой трибуне, то не увидел там никого из своих родных. Пусто. Скользнув угасающим взглядом по незнакомым лицам, Альбус вдруг увидел Скорпиуса, который улыбался. Искренне улыбался ему, и в глазах его читался невероятный восторг. Но через минуту он сменился привычным равнодушием, и Скорпиус повернулся к отцу, продолжая какой-то начатый разговор. А Альбусу захотелось кувырнуться на метле, повиснуть на вытянутых руках над полем или просто закричать в солнечное небо что-нибудь невероятно глупое. Просто так. Слизеринская команда окружила своего героя, утащила за собой в раздевалки, где он сполна насладился новым титулом победителя. Но уже через десять минут, вырвавшись из духоты, переодевшись быстро и кое-как, Альбус уже стоял у больничного крыла. Гарри Поттер курил у входа и сразу же обнял подбежавшего Альбуса за плечи. Уткнувшись носом в отцовскую мантию, так привычно пахнущую тяжелым запахом дорого табака, пряностями и еще чем-то неуловимо горьковатым, Альбус понял, что больше не может сдерживаться и разревелся, как маленький. — Все хорошо, Ал, все нормально, Джима уже завтра выпишут. Все хорошо. Альбус остервенело помотал головой. Да, Джим. Конечно. Он волновался за него, но все-таки больше его волновали отношения с отцом. — Прости меня, пап, — пробормотал он невнятно, чуть закашлявшись от сладковатого дыма отцовской сигареты. (почему сладковатого? Он же горький…)

Поттер-старший вздохнул и прошептал в затылок сына: — Поздравляю с первой победой. Захотелось кричать. Ну, или может, петь. А может, и то, и другое сразу. Альбус улыбнулся и прижался к отцовскому плечу щекой, почувствовав, что мантия уже совсем промокла от его слез. — А метлу ты сегодня вернешь, — буднично сказал аврор и испепелил недокуренную сигарету на месте коротким «инсендио». Невербально. Что и говорить, Гарри Поттер — сильнейший маг из ныне живущих. Вот только он еще и отец. Просто отец. И очень любит обоих сыновей, и чувствует, как межфакультетская глупая война, что столетиями длится в Хогвартсе, коснулась и его детей, и теперь между ними пропасть, которая глубже день ото дня. Что делать с этим, герой войны даже не представляет. — Нет, – Альбус вдруг отстранился и подарил отцу острый взгляд зареванных, пронзительно зеленых глаз. — Что значит – нет? – опешил Главный аврор. — Это подарок, отец. Не принуждай меня. Не надо, — плечи Альбуса поникли, и он, неловко высвободившись из отцовских рук, побрел в сторону замка. — Ал! – окликнул отец. — Что? – обернулся он с некоторой опаской, все-таки перечить самому Гарри Поттеру – это вам не мистера Малфоя на слове поймать. — А метла хороша! – и подмигнул сыну, улыбнувшись той самой улыбкой, которую Альбус мог ждать порой весь вечер, украдкой поглядывая на отца, работающего за своим столом. — Я знаю, пап! – крикнул Альбус и побежал, просто быстро побежал, потому что не хотел больше никого видеть. Даже маму не хотел. Она слишком будет переживать за Джеймса, и на победу Альбуса у нее сил не хватит. Ворвавшись в замок, он сообразил, что пока посещал больничное крыло, все давно ушли на праздничный ужин, посвященный первой игре сезона и победе Слизерина. Альбус замедлил шаг. По его мнению, появиться в большом зале стоило с достоинством, а никак не второпях, чего на самом

деле очень хотелось. Вдруг сбивчивый шепот из-за угла заставил его замереть на месте. Он узнал эти голоса. Еще бы. Они ему, наверное, снились уже. Ведь это касалось его тайны. Его самой настоящей Тайны. Лихорадочно прикидывая, за чем бы укрыться, и проклиная себя за нерасторопность – давно уже надо было мантию у Джеймса забрать – Альбус, недолго думая, шагнул в пустой класс, чтобы за неплотно прикрытой дверью слышать разговор идущих мимо. И даже увидеть. Старшекурсники. Стоят как раз перед ним. Точнее, одного он видит, второго – нет. И стоило ему увидеть того, что стоит к двери лицом, он потерял дар речи. Да это же Фред! Его двоюродный брат. — Если бы ты, идиот, не потерял карту, все бы уже было закончено. — Я и без карты помню, где это, — вяло отбивался Фред Уизли, — ее там

нет, говорю тебе. — Она должна там быть. Понимаешь? — собеседник Фреда ударил по стене кулаком, явно выражая крайнюю степень недовольства. — Я надеюсь, ты просмотрел книги, а не просто шепнул: «акцио, наследие Салазара», — второй парень понизил голос до шепота, но Альбус все-таки разобрал слова. Салазар! Салазар Слизерин! Что же это за наследие такое, что его хранят в запретной секции? И как Фред все-таки туда попал, ведь ученикам это запрещено… И вообще, если он там был, то почему не нашел книгу? Вопросы вертелись в голове, а ответы не спешили находиться. Голоса удалялись, старшекурсники ушли. А Альбус, юрко вынырнув из класса, все-таки вбежал в большой зал, забыв про обещанную себе самому степенность. Голоса на секунду смолкли, все изучили вновь прибывшего, одобрительно погудели и продолжили трапезу. Лучезарно улыбнувшись Розе Уизли, помахав рукой Мелиссе Лонгботтом и Мари Виктуар, Альбус направился к своему столу. Слизеринцы, настроенные к нему весьма доброжелательно после сегодняшнего матча, одобрительно похлопывали новоиспеченную звезду факультета по плечам. Альбус сел рядом со Скорпиусом и пихнул его под бок: — Я знаю, что они искали, — доверительно прошептал он ему на ухо. — Кто? – меланхолично спросил Малфой. — Не притворяйся! Сам знаешь! Я тебе все расскажу сегодня, после ужина, идет? Скорпиус пожал плечами, стараясь всем своим видом продемонстрировать равнодушие к словам надоедливого Поттера. Альбус только улыбнулся своим мыслям. Казалось, поведение Скорпиуса его абсолютно не волновало. Он сам решал, с кем общаться. И то, что собеседник не проявлял особого стремления к ответному общению, вовсе не значило, что он, Альбус Северус Поттер, должен от этого общения отказываться.

Шепот в темноте

— Что-то он слишком довольный ходит, скажи, Забини? – скалясь, копируя отца. — Ага, точно, — лениво, будто неохотно. — Ну, так проучить и все, — уверенная ухмылка. — Проучить, Винс? Как? Побить его головой о стену? Мы потом вылетим отсюда со скоростью ветра. Нет, надо по-другому, — задумчиво, тихо. — Надо… унизить… — Зачем? – хладнокровно и равнодушно. — Ой, молчи, Малфой, — с легким презрением, — ты не понимаешь, это просто дело фамильной чести. Речь не идет о тупой, банальной силе. Тут надо придумать что-нибудь поинтересней. Сыграть на чувствах и самолюбии… — Когда будешь играть – не обломай пальцы, — ледяной взгляд голубых глаз, кривая усмешка. — А ты что, не с нами? – угрожающе. — С вами, Чарли, с вами. Фамильная честь, говоришь? Ну, что ж. У меня тоже свой счет к Поттеру. Фамильный, – он откидывает белобрысую голову назад, опираясь на спинку кровати, трет тонкими пальцам виски, лицо не выражает абсолютным счетом ничего. * * *

Джеймс Поттер расставался с любимой вещью неохотно. Тем более, после матча он резко ощутил отчуждение, повисшее между ним и братом. У них всегда были странные отношения – слишком разные характеры. Джеймс – веселый, бесшабашный, легко сходится с людьми, душа компании. А Альбус не по годам серьезен, капризен, бывает, сидит на своем диване в углу и, пока все смеются новой забавной шутке дяди Рона, лишь зыркает зелеными глазищами из-под спутанной челки, погруженный в свои мысли. Часто плачет. Вот уже чего Джеймс понять не мог, так этих слез. По его мнению, плакать могли только слабаки. Вот он сам никогда не плакал. Ну, первый день без семьи в Хогвартсе ведь не считается, да? С другой стороны, когда Альбусу интересно, он оживает, болтает без умолку, на губах играет легкая усмешка – «уж я-то знаю, кто здесь прав». Отцовский любимчик. Вечно залезет к нему в кабинет и высиживает там чего-то часами. У Джеймса терпения не хватает сидеть вот так и просто смотреть, как отец, чуть хмурясь, разгребает бесконечные бумаги на своем столе. Джеймсу больше нравится быть рядом с мамой. Она такая теплая, родная, самая лучшая в мире мама! А теперь Джеймс изо всех сил старался подавить бунт внутри себя, подавить неприязнь, что появилась к собственному брату. Родители всегда учили их, что семья – это самое главное, что всегда надо держаться вместе. Ну как можно держаться вместе, если и тут Альбус отличился, попав на Слизерин. А еще Джеймсу безумно, до противного скрежета в зубах, не хотелось отдавать мантию-невидимку. Да, он стащил ее у отца, который и не заметил пропажи. Альбус никогда бы не решился взять что-то без спроса у любимого папочки. И вот теперь приходит и требует, будто Джеймс ему что-то должен. Придется давать, потому что смотреть в глаза отца, такие же пронзительно зеленые, как и у Альбуса, видя в них разочарование, совсем не хочется. Не хочется, до дрожи в коленях. Вряд ли отец будет кричать. Он просто заставит смотреть в глаза. И тогда захочется провалиться сквозь землю и разрыдаться. А Джеймс Поттер никогда не плачет. Это все знают. Поэтому мантию придется отдать маленькому шантажисту. Что он там плел? Что-то про очень важную книгу из запретной секции, что она понадобилась старшекурсникам зачем-то… Ну, понадобилась и понадобилась, его-то какое дело? И что он лезет? Любопытный. Нет, интересно, конечно… Но ведь Альбус и не подумал позвать его с собой. И хотя Джеймс не напрашивался (больно надо!), почему-то было обидно. Очень. Получив вожделенную мантию, Альбус вприпрыжку помчался вниз в подземелья. Шепнув пароль, проскользнул внутрь и привычно замер перед входом в спальню первокурсников, глубоко

вздыхая и готовясь окунуться в напряженную тишину. Шаг. Тишина. Еще шаг. Джон Забини лениво вскидывает руку в немом приветствии. Он вообще все делает лениво, как будто с большим одолжением для окружающих. Винсент Гойл просто отворачивается к стене, явно собираясь спать. Чарли Нотта не видно — видимо, в ванной. Ну, а Скорпиус Малфой читает. Как всегда. Он постоянно что-то читает. Альбусу хочется налететь на него, разбить панцирь равнодушия, поднять искорку интереса со дна светлых глаз, растормошить, рассказать, что мантия у него… Но он этого не делает. Просто улыбается и говорит: — Добрый вечер! Малфой кивает, не отрываясь от книги. Альбус садится на кровать и пристально смотрит на соседа, не задергивая полог. Наконец, прозрачные голубые глаза отрываются от увлекательного занятия и застывают на лице Альбуса. В них немой вопрос. Альбус победно улыбается и разжимает кулак. В кулаке легкая невесомая ткань, прозрачная, невероятно тонкая. Альбус чуть наклоняется вперед и шепчет: — Сегодня! Скорпиус пожимает плечами, зевает и переворачивает страницу. Когда циферблат небольших часов, предусмотрительно засунутых под подушку, чуть завибрировал и засветился зеленым, Альбус проснулся. Полночь. Наверное, теперь можно и попробовать выскользнуть из подземелий. — Скорп! – Альбус, тихо отодвинув полог соседней кровати, потряс одноклассника за плечо. Тонкие черты лица сморщились, белесые ресницы дернулись, Скорпиус сел в кровати, сонно щурясь на несносного Поттера, который опять что-то задумал. — Ха, а ты смешной! – фыркнул Альбус, довольно косясь на проснувшегося приятеля, его обычно прилизанные волосы топорщились в разные стороны, отчего Скорпиус был похож, то ли на ежа, то ли на дикобраза, Альбус пока не решил. — Заткнись, — с угрозой проговорил Скорпиус. Ну, а какому Малфою понравится такое заявление, да еще и от Поттера? — Ладно-ладно, — Альбус все еще давился смехом, фыркая в ладонь, чтобы не разбудить соседей по спальне, — пошли. — Пойдем, — вздохнул Малфой, зная, что от Альбуса и его безумных идей не отвертеться. Бесшумно покинув подземелья Слизерина, мальчики направились в библиотеку. Аккуратно обойдя старика-завхоза, они потихоньку забрались в запретную секцию библиотеки. — Люмос, — раздается тихий шепот, и вот уже неяркий синеватый свет от двух волшебных палочек освещает бесконечные стеллажи. Прошло около получаса старательных поисков и взаимного пыхтения («Интересно, ему же тоже интересно! Вон, весь свой лоск растерял и довольный роется в книгах, периодически почесывая нос, чтобы не чихать от пыли!»), но книги под названием «Наследие Салазара Слизерина» нет. Ну,

конечно, Фред Уизли ее же не нашел, почему Альбус решил, что у него получится? Он не решил, просто знал. Каким-то шестым, седьмым, десятым чувством ощущал, что книга важна. Толком не понимая, зачем ему это, был обязан разыскать древний фолиант и разгадать тайну. И, похоже, это уже не просто любопытство мальчишки, который любит совать свой малолетний нос не в свое дело. Альбус был уверен, что сейчас находится на том месте, где указан крестик на карте. А вообще, кто сказал, что карта верна? — Ничего нет, Поттер, — Скорпиус зевнул во весь рот. — Пошли отсюда. — Ага, — Альбус тоскливо мотнул головой, признавая свое поражение, — пошли. Было обидно, безумно обидно, что тайна обернулась пустотой. Пусто. Ни книги, ни таинственных заклинаний и чар. Ничего. Скорей всего, старшекурсники искали что-то несуществующее из разряда легендарных вещей, которые ищут, но не находят. Когда он уже собирался переступить черту запретной секции, то внезапно услышал голос. Тихий свистящий шепот доносился из темноты: — Ш-ш-ш-ш-а-а-а, с-с-с-с-с-ш-ш с-с-с-а-а-ш-х -а-а-с-ш… Шепот заползал внутрь, обволакивал разум, заполнял каждую клеточку тела и души Альбуса Поттера. Он с ужасом осознал, что понимает этот голос. Он понимает, о чем шепчет некто в темноте. Наследие Салазара дожидалось того, кто поймет. И время пришло. Холодный липкий ужас сковал по рукам и ногам. Похоже, что Скорпиус ничего не услышал, он стоит в двух шагах и терпеливо ждет, когда же Альбус уже перешагнет черту и окажется в обычном, студенческом секторе библиотеки. Стоит, чуть склонив набок голову – привычный, знакомый жест. — Скорпиус, надо уходить, — сдавленно шепчет Альбус. Он хочет только одного. Убраться отсюда подальше. — Ну, так пойдем, — спокойно отвечает Малфой. У входа они чуть не налетают на профессора Макгонагалл. Она стоит у входа в библиотеку вместе с Лонгботтомом и доказывает ему, что в запретную секцию проникли студенты – сработал сигнал. Альбус мысленно отхлестал себя по щекам – каким же надо быть идиотом! Ведь отец рассказывал, что с военных времен на запретную секцию наложены особые сигнальные чары. Больше никто из студентов не должен читать черномагические книги, они только для тех, кто всерьез увлекается темной магией, желая обратить темномагические потоки энергии на благо волшебного общества. Разработкой чар в свое время занимались Гермиона Уизли (теория) и кадет аврорской школы Гарри Поттер (практика), и, надо сказать, задуманное им удалось в полной мере. Альбус инстинктивно прижался к Скорпиусу и почувствовал, как руки, удерживающие мантию над их нерадивыми головами, начали трястись от пережитого. — Прекрати дрожать! – возмутился

Скорпиус, и его спокойный шепот привел Поттера-младшего в чувство. Он подумал, что вряд ли Макгонагалл догадается, что они тут. Мантия-невидимка дает много преимуществ своему обладателю. Макгонагалл тихо переговаривалась с Невиллом Лонгботтомом, и оба профессора загораживали собой выход из библиотеки. Те, наконец, решили осмотреть территорию библиотеки самостоятельно, не обращаясь к помощи аврората, чтобы не терять драгоценные секунды и оценить собственно сам ущерб. Альбус трясся ни жив, ни мертв, слушая размеренное дыхание Скорпиуса рядом и думал только о том, как побыстрей покинуть место преступления. Оказавшись перед входом в подземелья и шепнув пароль, мальчишки ввалились в гостиную Слизерина. Стянув мантию и отпустив Скорпиуса, Альбус заполз в ближайшее кресло и, свернувшись калачиком, уставился в стену. В его ушах все еще звучал противный шепот существа из темноты.
— В чем дело, Поттер? – спросил Скорпиус, стоя посреди гостиной и внимательно вглядываясь в черты побледневшего лица приятеля, который явно был чем-то напуган и напуган не на шутку. — Она звала меня… — прошептал Альбус чуть слышно. — Кто? – Скорпиус скривился, решив, что истерики ему сейчас посреди ночи только не хватало. Очевидно, Поттер свихнулся, а ему посчастливилось находиться рядом и лицезреть сей памятный момент воочию. Из первых рук, как говорится. — Книга, наследие Салазара. Она там. И она звала меня, — проговорив все это, Альбус даже не оглянулся, он продолжил рассматривать стену, обшитую зеленой тканью. — У тебя температура, Поттер? Может, к мадам Помфри? – Скорпиус в притворной заботе приблизился к Альбусу и угрожающе навис над ним, упираясь руками в подлокотники кресла. — А если и так, то забудь. Отец говорил, что только темная магия может вложить в книгу душу, заставив ее говорить, и что последняя говорящая книга принесла только разрушения, чуть не убив первокурсницу гриффиндорку и самого Гарри Поттера… — Джинни Уизли, — еще тише проговорил Альбус. — Что? — Ее звали Джинни Уизли. Моя мать. Отец спас ее в Тайной комнате, когда уничтожил, как ты говоришь, книгу. Только это была не книга, а дневник, и он не говорил, а переписывался с моим отцом.
— Какая разница? – Скорпиус забрался в соседнее кресло, уютно обхватив колени руками. — Суть одна – лучше не трогать. — Скорп, — прошептал Альбус, — а ты не слышал этот голос? – и в зеленых глазах загорелась такая неистовая надежда, что Скорпиусу до боли, что обосновалась где-то в горле, захотелось согласиться. — Нет, — покачал он головой. Я ничего не слышал. Пошли спать. Завтра первым – трансфигурация. Старая кошка

превратит нас во что-нибудь омерзительное, если опоздаем. — Это точно, — пробормотал Альбус, но все-таки не пошел вслед за Малфоем, решив порассуждать о произошедшем здесь, в пустой гостиной, где ничей храп и сопение не будут отвлекать. На самом деле страх отступал. Поняв, что заснуть уже не удастся, Альбус решил написать письмо домой. Он бы очень хотел написать лично отцу и рассказать обо всем, но очень хорошо представлял себе последствия. Если дело касалось его детей, Гарри Поттер становился чрезмерно впечатлительным. Не исключено, что он забрал бы отсюда сразу же и Альбуса, и Джеймса. А заодно и Розу Уизли вместе с Фредом и Мари Виктуар. Просто так, для обеспечения безопасности. А потом бы нырнул в самую гущу событий, чтобы спасти всех оставшихся в Хогвартсе детей. Представив отца, тихонько ступающего по темным коридорам Хогвартса с робким люмосом на конце палочки, Альбус невольно улыбнулся. Нет, эту часть своих приключений он опустит. Потом. Отец все узнает потом. Ведь ему, Альбусу, очень хочется настоящих приключений, таких, от которых его семья тщательно оберегала его все эти годы. Подумаешь, голос! Ну и что. Ему совсем не страшно. Вот даже чуть-чуть. А посоветоваться с кем-нибудь умным все-таки стоит. И он даже знает, с кем. Этот человек хоть и мертв, но точно знает, что происходит…

Новейшая история

— Гарри, я не вправе настаивать, но вы же понимаете… — Профессор Макгонагалл, вы бы знали, насколько тяжело отказывать вам… — пальцы со стертыми ногтями взъерошивают темные волосы, прошитые серебристыми седыми прядями. — А вы не отказывайте. Гарри… дети должны знать... Если появилась такая возможность, то кто кроме вас сможет лучше поведать нам об этом? — Я… Я не знаю… Ладно… — рука сжимается в кулак. — Ладно. — Отлично! Сложно переоценить ценность ваших воспоминаний. И помните, что эмоции тоже важны. Дети должны раз и навсегда запомнить, насколько ужасна война, чтобы подобного не повторилось впредь. — Не ждите, что я буду выворачивать душу, — усталый взгляд будто потухших зеленых глаз. — И не надо. Это история, Гарри, просто новейшая история. Школьный предмет. И вам решать, что им знать, а что не стоит. Но все же еще раз попрошу. Пожалуйста... Дайте им больше, чем просто сражения. Дайте им вашу боль и страх. Станьте большим, чем недосягаемый герой. Доверьтесь мне, Гарри… * * * День не задался с самого начала: Альбус проспал. Просто банально проспал. Это означало как минимум ехидные шпильки от довольных данным обстоятельством сокурсников, а как максимум – отработку у профессора Лонгботтома. Самое обидное и неприятное в сложившейся ситуации для Альбуса было то, что его никто не разбудил. Они просто про него забыли. Даже Скорпиус, и это обстоятельство испортило настроение Поттера-младшего окончательно и бесповоротно. Вроде и не обязан Малфой быть его личным будильником, но… вот именно – но. И это самое «но» мешало сосредоточиться и собирать вещи. Наконец, все собрано. Серебристо-зеленый галстук измят в тщетных попытках завязать его как подобает аккуратному слизеринцу, воротник белой рубашки топорщится вокруг тощей шеи, второпях накинутая мантия чуть съехала на одно плечо, но венцом всего великолепия была, конечно же, традиционная прическа а-ля Поттер. То есть ее полное отсутствие. Тоскливо поплевав на пальцы, несчастный и злой слизеринец попытался пригладить непослушные вихры и, потерпев поражение, как, впрочем, и всегда, на всех парах помчался на зелья. Профессор Лонгботтом окинул его задумчивым взглядом и спросил, пряча улыбку в глубине строгих глаз: — Мистер Поттер, а вас не учили, что опаздывать на уроки нехорошо? — Учили, — пробурчал Альбус с интересом изучая носки своих туфель, которые надо было почистить еще вечером. Теперь-то он это видит. — Что ж, Поттер, надеюсь, что вы не

безнадежны. Проходите. Альбус вяло шевельнулся и поплелся на свое место. Он уже почти успел обрадоваться тому, что эта неприятность закончилась, как за спиной раздался профессорский голос, который хоть и звучал мягко, но ясно давал понять, что его обладатель вовсе не шутит: — Минус 5 баллов со Слизерина, мистер Поттер… – на слове «Поттер» профессор замялся, словно ему было неловко произносить такое сочетание, как «Слизерин» и «Поттер». «Самое главное в зельях: научиться сочетать несочетаемое», — вдалбливал в их малолетние головы зельевар. «Вот и сочетайте, профессор!» — мстительно заметил про себя Альбус, который, конечно же, почувствовал неуверенность мистера Лонгботтома. — Сегодня у нас парная работа, Альбус. Будь внимателен, пожалуйста, — профессор чуть похлопал ученика по плечу ободряющим жестом, и Альбус ощутил его жалость. Невилл Лонгботтом жалел его — странного Поттера, что попал не на Гриффиндор, чьими синонимами всегда были храбрость и справедливость. На смену вялой апатии пришла злость. Альбус чуть повел плечом, сбрасывая профессорскую руку – никому не заметный жест — и осмотрел класс в поисках пары на сегодняшний урок. Роза уже нарезала что-то вместе с Ирбисом Роллом — гриффиндорцем, конечно. Скорпиус Малфой, внимательно следивший за ним с того момента, как он шагнул через порог, оказался один. Он чуть сощурился, окатил Альбуса ледяным взглядом «я – Малфой, а все остальные побоку» и вдруг приглашающе махнул рукой, чуть улыбнувшись. Улыбка, которую мог разглядеть только Альбус Поттер. А может, он ее себе выдумал, эту улыбку? В любом случае, выбора у Альбуса не было, и он отправился к единственному свободному месту в классе. Скорпиус уже нарезал какие-то высушенные стебли и теперь собирался приняться за что-то более отвратительное, что ждало своего часа на самом краю стола. — Вскипяти котел, — сказал Малфой, спокойно двигаясь, давая Альбусу место у стола. — Почему ты меня не разбудил? – спросил Поттер, чувствуя, что закипает от одного только вида спокойной, уравновешенной рожи Малфоя-младшего. — Не понял, — проговорил тот, не теряя ни капли невозмутимости. — Я, кажется, не нанимался к тебе домовым эльфом. Научись ставить будящие чары, уже давно все умеют, а не научился или забыл – терпи. — Но ты же мог… — Мог. Но не стал. Теперь не забудешь. Столкнувшись с железной и неоспоримой логикой Скорпиуса Малфоя, Альбус притих и занялся тем, чем, собственно, и было положено заниматься прилежному ученику на уроке зельеварения. Из-за плохого настроения, недобрых взглядов однокурсников, которые явно точили на него зуб за снятые баллы с факультета, Альбус сильно

нервничал и путал ингредиенты, Малфой пытался спасти ситуацию, но, видимо, здесь он был абсолютно бессилен. Декан Гриффиндора, добравшись до их стола — последнего в классе, задумчиво изучил содержимое их котла, загадочно хмыкнул и провозгласил: — Минус еще пять, Слизерин, за невнимательность некоторых студентов. А вас, мистер Малфой и вас, мистер Поттер, я жду сегодня к семи на отработку. Все свободны. Гриффиндорцы покидали класс в приподнятом настроении, умница Уизли снова отличилась и заработала баллы для факультета. А вот слизеринцы выходили, кидая говорящие взгляды на Поттера и Малфоя. Больше на Поттера, конечно, ведь 10 баллов ему не простят. Уже сейчас побегут жаловаться старшим и вечером устроят разбор полетов. Если дождутся с отработки, конечно. Альбус криво усмехнулся. Уж лучше честно отмывать лонгботтомовские котлы до мозолей, чем попасться на растерзание разъяренным одноклассникам, которые разорвут его на кусочки. С некоторых пор слизеринцы весьма щепетильны во всем, что касается чести их факультета. Альбус плелся за Скорпиусом и настроение его сменилось с плохого на мрачное. Очень мрачное. Зайдя в кабинет, где должен был начаться урок новейшей истории, Альбус проигнорировал Скорпиуса, который вроде замялся, словно решая, куда ему сесть, и плюхнулся рядом с Розой. Здесь были все. И рэйвенкловцы, и хаффлпаффцы, и слизеринцы, и гриффиндорцы. Весь первый курс школы чародейства и волшебства Хогвартс. Что-то новенькое — раньше их не объединяли, да и столы поставлены странно: сдвинуты в несколько рядов. В итоге Малфой все равно оказался рядом, только с другой стороны. Глядя в спокойные, насмешливые голубые глаза, Альбус понял, что больше не обижается, но какой-то неприятный осадок все же остался. Профессор Дэвид Бейлс, декан Рэйвенкло, улыбнулся и загадочно подмигнул. — Сегодня особенный день, ребята, — он выдержал торжественную паузу. — Дело в том, что раньше не преподавали подобным методом, так как изобретен он сравнительно недавно. Вы, наверное, знаете, что такое омут памяти? – спросил профессор и обвел всех внимательным взглядом. Студенты неуверенно кивнули. Некоторые переглянулись и пожали плечами. — В любом случае, это вы должны изучать на магических предметах, а мое дело - донести до вас информацию о событиях, которые произошли совсем недавно по историческим меркам, но которые достойны попадания в историю. Продолжаем тему Хогвартса наших дней, и сегодня мы вернемся к событиям третьей магической войны. А точнее, поговорим о разрушениях этой войны. А рассказать я вам хочу о Выручай-комнате, которая существовала ранее, но была

разрушена. О, это было поистине уникальное помещение. Комната подстраивалась под желания находящегося в ней волшебника и могла быть использована для разных целей. К сожалению, она была уничтожена. Как именно, вы узнаете уже сегодня, а точнее увидите, благодаря новейшим разработкам министерства Магии. Герой Третьей Магической войны, обладатель ордена Мерлина высшей степени, Главный аврор Гарри Джеймс Поттер любезно поделился с нами своими воспоминаниями, чтобы вы могли не только услышать, но своими глазами увидеть некоторые моменты той страшной войны. А поможет нам в этом модифицированный омут памяти, который позволит увидеть все воспоминания на этом полотне, — преподаватель указал на нечто перед ними, что больше всего походило на огромную белую простыню. Альбус шумно вздохнул, и ему показалось, что он сделал это в первый раз за последние несколько минут. Он, конечно, слышал о Выручай-комнате, но отец рассказывал про нее неохотно, вернее, о ее разрушении он не любил говорить, но зато рассказывал о ее чудесах и о том, как они собирались подпольным отрядом, чтобы помогать сопротивлению. Именно в Выручай-комнате. Стало интересно, любопытно и немного обидно, что он увидит воспоминания отца вместе с кучей студентов. Вряд ли отец доверил бы на всеобщее обозрение что-то личное – он очень хорошо умел контролировать свои мысли, но все же Альбус предпочел бы увидеть это дома, в кругу семьи. Однако он понимал, что скорее всего технология массового показа воспоминаний уникальна и, возможно, существует только в Хогвартсе. Рядом так же шумно вздохнул Малфой. Опустив взгляд, Альбус увидел, как длинные пальцы подрагивают от волнения, а голубые глаза закрыты. Скорпиус что-то шепчет про себя. Не разобрать, что. Альбус чувствует его волнение. Он ощущает его как плотную завесу, что накрыла их обоих. Почему? Что-то связанное с его отцом? Альбус ничего об этом не знал. Он машинально протянул руку и успокаивающе сжал напряженно сведенные пальцы. Скорпиус вздрогнул, но руки не выдернул, и глаза не открыл. — Не нервничай так, — прошептал одними губами Альбус. — Ты не знаешь, — выдавил сквозь зубы Малфой-младший. — Нет. Но, закрыв глаза, от этого не убежишь. Это история. И мы должны знать, — Альбус еще раз сжал узкую ладонь и отпустил. Скорпиус медленно пошевелил пальцами и, наконец, открыл глаза. Чуть нервным жестом заправил за ухо выбившуюся платиновую прядь и уставился на полотно, не моргая. — Итак, представляю вашему вниманию печально известный эпизод разрушения Выручай-комнаты, – мистер Бейлс сделал несколько плавных пассов палочкой над

небольшим флаконом с чем-то белесым внутри, потом повторил жест над полотном. И спустя несколько секунд стало проступать изображение. Чуть подернутое дымкой, но все-таки четкое. Молодой парень в круглых очках, испачканное лицо, безумный взгляд зеленых глаз. Он пристально смотрит на что-то перед собой, — Альбус чувствует, что воздух стремительно испаряется из комнаты. Ему становится невыносимо душно. — Что там у тебя, Поттер? – голос, как две капли воды похожий на голос Скорпиуса. Малфой-младший сжимается и пытается съехать вниз, под парту. Альбус хватает его за шкирку и возвращает на место, в первый раз чувствуя себя уверенней, чем его высокомерный приятель. На полотне три человека. Впереди высокий худощавый блондин, за ним, с палочками наизготовку, еще двое парней. Один огромный, почти квадратный, другой чуть поменьше, но все равно смотрится крепче болезненно худого блондина. Они держат палочки, направленные на Поттера. — Я хочу вернуть свое,— тягуче произносит Драко Малфой. — Моя палочка. Она нужна мне. — А та, что есть, тебя не устраивает? – голос Гарри Поттера спокоен, хотя он и находится под прицелом трех палочек. Драко Малфой почему-то чуть наклоняет голову (точь-в-точь Скорпиус!) и начинает сбивчиво объяснять, почему ему нужна именно его палочка. Молчаливые спутники, что тенью стоят за его спиной, удивленно переглядываются. И, правда, непонятно – с чего врагу объяснять свои действия, когда желаемое можно просто отобрать превосходящей силой. Поттер прерывает его на полуслове: — Почему, Малфой? – спрашивает он, пристально всматриваясь в лицо Драко. — Почему ты не сказал ей? Беллатрисе. Ты же знал, что это был я… Малфой меняется в лице, его взгляд становится растерянным и чуточку обиженным, словно взгляд ребенка на взрослого, который не понимает очевидных вещей. Кончик палочки, что направлена на Поттера, дрожит, выдавая сильное волнение. Совершенно ясно, что Малфой не сможет убить Поттера. Его губы дрожат, серые глаза словно кричат о чем-то, поднимая неведомые доселе тайны со дна искореженной войной души. Альбус слишком мал, чтобы осознать это, но, благодаря своей чувствительности к чужим эмоциям, он ловит что-то странное в глазах бывшего школьного врага отца, что-то, что, наверное, не понял никто. Или почти никто. Краем глаза Альбус ловит тяжелый взгляд Скорпиуса Малфоя, он тяжело переживает происходящее на полотне, хотя это всего лишь учебная программа. Видимо, они должны понять, почувствовать не только сам факт произошедших сражений, но и всю грязь, что терзала души молодых магов, оказавшихся в безжалостной мясорубке войны не по своей воле.

— Убей его, Драко… — шепчет здоровяк за спиной Малфоя. Драко чуть меняет направление взгляда, пытаясь взглянуть на сокурсника из-за плеча. Его губы кривятся и понятно, что это не усмешка, а сдерживаемые слезы.

— Бежим! – раздается голос где-то вне зрительской видимости, Альбус с трудом узнает голос дяди Рона и понимает, что начинает дрожать. Его охватил самый настоящий озноб. Он видит, как янтарные глаза Розы Уизли стали совсем круглыми, как она вся подалась вперед и закусила губу так, что вот-вот пойдет кровь.

Гарри Поттер из воспоминаний резко кидается в сторону, и вдруг раздается рев, глухой рев огня.

— Этот придурок использовал заклятие адского пламени! – вопит рыжий мальчишка, волоча за руку всю перепачканную девушку, в которой Альбус без труда узнает тетю Гермиону. Гарри Поттер, Рон Уизли и Гермиона Грейнджер спасаются от адского пламени, что сжигает все вокруг. Кажется, спасения нет, и огонь вот-вот настигнет отчаянных подростков, как вдруг — старые школьные метлы. Студенты Хогвартса из прошлого расхватывают их и взлетают под потолок горящей Выручай-комнаты.

— Мы не можем их бросить! – кричит Гарри Поттер.— Нет… – мотает головой Рон Уизли. — Гарри, нет! Но Поттер упрямо поворачивает назад, в самое пекло. Ничего не видно из-за густого плотного дыма, лишь светлая макушка где-то внизу и рука,

судорожно вцепившаяся в гору книг – последний целый островок в бушующем адском пламени. Рон и Гермиона уже забрали здоровяка Гойла, а вот второй их сокурсник погиб, сорвавшись вниз. Какая ирония судьбы – погибнуть от заклятия, созданного собственной рукой. Альбус знает, что это был Винсент Крэбб. Отец рассказывал… Но не все… Так вот, как это было… Гарри Поттер пытается ухватить Драко Малфоя за руку, но не может: гибкие, тонкие пальцы, сведенные судорогой от ужаса, постоянно выскальзывают из его крепкой ладони. Он упрямо поворачивает назад снова и снова, уже рискуя собственной

жизнью, потому что пламя не оставляет места даже для полета. Альбус слышит, как Скорпиус тихо скрипнул зубами, и уверенно берет Малфоя за руку с одной стороны и Розу Уизли с другой. Становится легче. Словно рукопожатие возвращает в реальность, напоминая, что не о чем волноваться – сейчас-то все хорошо… А Гарри Поттер уже в какой-то отчаянной решимости стискивает руку Драко и дергает, усадив его на метлу позади себя… Дальше хогвартский коридор, непривычно мрачный, грязный. И последнее воспоминание: Драко Малфой, все еще заходясь кашлем от едкого дыма, проводит рукой по стене, в бессилии скрипя по ней ногтями: — Крэбб… — вырывается хриплый шепот… и темнота. Тишина. Кажется, что слышно, что происходит в соседнем классе. Иллюзия. Невозможно этого услышать через толстые каменные стены. Никак. Альбус только что пережил, наверное, одно из самых жутких воспоминаний отца, в груди – смешанные чувства. Война, война настоящая, а не рассказы про приключения, война грязная и разрушающая. Кажется, теперь они стали чуть взрослее. — Вот так это было, — мягко произносит мистер Бейлс, встряхивая роскошной пшеничной шевелюрой. Он вообще весь такой роскошный, напоминает льва, такая же пышная грива, гордая осанка и движения преисполненные собственного достоинства. — На наше с вами счастье Гарри Поттер помнит этот момент очень ярко, именно поэтому мы с вами наблюдали разрушение Выручай-комнаты вживую. Слушая лекцию о том, какая она была, эта комната, Альбус понимает, что должен найти ее. Пусть обугленную и сгоревшую, но он должен ее найти. Там больше, чем просто память. Там точно что-то есть. В свои одиннадцать лет Альбус Поттер уже научился доверять своим ощущениям.

На пороге Тайны

Следуя медленным прогулочным шагом на отработку, Альбус Поттер меньше всего на свете ожидал, что профессор Лонгботтом приведет его к этой двери. Той самой, за которой он познакомился с профессором Снейпом. Альбус почувствовал дрожь в коленях, вспомнив пронзительный взгляд темных, почти черных глаз. Скорпиус его волнений не разделял, он вообще весь день молчал после просмотра воспоминаний Гарри Поттера на уроке истории. Вот и сейчас, погруженный в собственные мысли, Малфой вряд ли заметил, что с приятелем что-то не так. — Вот здесь, — голос мистера Лонгботтома был доброжелателен, чего нельзя было сказать про настроение Поттера-младшего. Это надо же так вляпаться! Получить отработку от ближайшего друга семьи и наблюдать на себе его снисходительно-дружелюбный взгляд, — находится комната, которой давно уже никто не пользуется. Ваша задача – просто вытащить из нее весь хлам, сложив его… скажем, вон в том углу. Понятно? — Да, профессор, — Малфой послушно склонил белобрысую голову. Альбус вздрогнул, услышав звук его голоса – слишком привык, что сегодня Скорпиус молчит с самого утра. — А тебе, Альбус, понятно? – улыбнулся ему профессор зельеварения. — Да, — буркнул Поттер-младший и, резко вздохнув, сделал шаг через порог забытой комнаты. Скорпиус шагнул следом, озираясь по сторонам с проснувшимся интересом. Тут было на что посмотреть. В груде вещей, сваленных второпях как попало, попадались весьма любопытные предметы. Скорпиус подошел к дальней стене и, пошарив в пыльном углу, выудил блестящие часы на тонком кожаном ремешке. — Ты как сорока, все блестящее тащишь… — проворчал Альбус, подходя ближе. Малфой-младший оторвался от созерцания любопытной вещички, которая буквально завораживала своей простотой и изяществом. Сразу было понятно, что часы не простые, а волшебные. От них исходили потоки магии. И Альбуса эта магия окатила вдруг ледяным холодом. — Отдай, — прошептал он чужим голосом, который осип сразу на пару тонов. — С чего вдруг? – удивился Скорпиус. — Не ты нашел… — Ай-ай-ай, как некрасиво, Поттер, отбирать у друга вещи, — Альбус быстро обернулся, уже зная, что увидит за своей спиной. Северус Снейп стоял, опираясь на резной деревянный стул внутри рамки своего портрета. — Профессор… — чуть заикаясь, выдавил из себя Малфой-младший и тут же

склонился в приветственном жесте. — Ты его знаешь? – удивился Альбус и тут же ощутил легкое разочарование, он-то думал, что это только его тайна. Личная. А, оказывается, Малфой знаком с профессором и, кажется, даже лучше его самого. Потому что преданность и восхищение в глазах Скорпиуса абсолютно искренние. — Знаю, – прошептал Скорпиус, недовольно поглядывая на однокурсника. — Приветствую, мистер Малфой. Надеюсь, у вас все хорошо? — Да, сэр, — пролепетал Малфой-младший, нервно теребя себя за отворот мантии. — А у вас, мистер Поттер? — взгляд фигуры на портрете переметнулся на второго мальчишку и вцепился в него внимательно, пронырливо, выворачивая душу. — И у меня, — собрав все свое мужество в кулак, сказал Поттер, и его голос прозвучал совершенно спокойно. Вот только на ладони остались следы от впившихся ногтей. И почему этот человек на него так действует? Вообще они все такие. «Ударенные войной», — как окрестил про себя отцовское поколение Альбус, а этот так вообще старше, то есть дважды ударенный. Альбус чуть удержался от смешка, который мог бы выразить его довольство собственным остроумием. Но язык решил попридержать. Воспользовавшись моментом, Малфой-младший быстро сунул часы в карман слизеринской мантии и сделал вид, что ничего не произошло. — Профессор Снейп, — заговорил Альбус, — а в запретной секции ничего нет, — он сказал это нарочито небрежно, но на самом деле для него очень важна была реакция «черного человека» на эти слова. — А что вы искали, Поттер? – Колючие глаза сощурились, оценивающе ощупали мальчишку с ног до головы. — Профессор, книга… она... говорила со мной… — Ты опять, — прошипел рядом Скорпиус Малфой, словно поражаясь, как можно отвлекать такими мелочами такого великого человека. В величии Снейпа Альбус и не сомневался, отец и сам говорил, что он – герой, а папе Поттер-младший верил безоговорочно, вот только у кого еще спросить? Скорпиус как будто и не верит ему вовсе… — Говорила? – Снейп подался вперед с интересом. — И что же она вам сказала, Поттер? — Она… позвала. — Вот так просто? Позвала? — Да, — Альбус нахмурился, ему было неприятно недоверие профессора из прошлого, тем более что он демонстрировал его в присутствии Малфоя. — Мне надо подумать… — проговорил Снейп и шагнул за рамку портрета. — Ушел, — выдохнул Скорпиус. — Ушел, — подтвердил Альбус. — Так откуда ты его знаешь? — Давай вещи таскать, — отмахнулся Малфой. — Не пойму, как это может помочь нам в освоении зельеварения… — Не ворчи, Скорп. И все-таки, ответь, — Альбус встал, широко расставив ноги, всем своим видом показывая, что не двинется с места, пока не получит ответ

на поставленный вопрос. — Отец рассказывал. У нас дома есть портрет профессора. Он иногда к нам заходит. — А у нас нет… — разочарованно сказал Альбус. Он не любил, когда у кого-то было то, чего нет у Поттеров.

Скорпиус вдруг рассмеялся, в голубых глазах мелькнуло мальчишеское превосходство «у меня есть, а у тебя — нет», и он ответил, усмехаясь в абсолютно отцовской манере:

— Так Гарри Поттер предлагал огромные деньги за выкуп магического портрета… Отец не продал. И никогда не продаст. Портретов всего два: в Хогвартсе и у Малфоев. Он – крестный моего отца. Конечно, отец никогда и никому не продаст портрет. Это же память. — Понятно, — пожал плечами Альбус, испытывая неясную, неосознанную неприязнь к Малфоям в целом, что поставили его отца в такое дурацкое положение. Он как наяву увидел ледяную усмешку Драко Малфоя (и пусть Скорпиус даже не старается ее повторить – ему до отца, как до луны!) и полные гнева, сверкающие зеленые глаза отца. И это ему не понравилось. Сочтя разговор оконченным, Альбус принялся разгребать завал, совсем забыв про часы, что так и остались в кармане Малфоя-младшего. Говорить с одноклассником не хотелось. А Скорпиус никогда и не стремился к общению, поэтому отработка прошла в полной тишине. Когда Альбус вернулся в комнату за последним поломанным стулом, он заметил, что профессорский портрет снова ожил. — Поттер, — негромко окликнул он Альбуса, — если книга просто позвала вас и ничего больше, то это не страшно. Бывает, что при написании книги автор вкладывает в нее свою магию, и книга становится по-настоящему капризной, подчиняясь только своему владельцу или тому, кого сама выберет, — гордо кивнув, Снейп снова удалился, не дожидаясь ответной реплики Альбуса.

Поттер-младший застыл посреди комнаты, сжимая этот поломанный стул и слушая, как оторванная наполовину деревянная спинка тихонько скрипит. Только потом он понял, что не рассказал профессору, что книга, которая его звала – наследие Слизерина, а звала она его на странном шипящим языке, который он понимал…. Но... это, наверное, не так важно, да? Потом расскажет. Как-нибудь.

Альбус был уверен, что Малфой его не дождется и уйдет в спальни раньше. Сгрузив стул в общую кучу хлама, переместившуюся в угол хогвартского коридора, он внимательно огляделся по сторонам. В углу, при тусклом свете факелов, он разглядел тонкую фигурку в темной мантии и светлые волосы. Скорпиус ждал. — Пойдем, — буркнул Альбус, злясь непонятно на что. Ему не нравилось, когда он что-то не понимал, а

поведение Скорпиуса он иногда не понимал вообще, и от этого становилось неуютно. Дойдя до движущейся лестницы в полном молчании, мальчишки наткнулись на весело гудящих гриффиндорцев в темных мантиях с алыми знаками отличия. Предчувствие беды больно кольнуло

Альбуса Северуса где-то в груди, он и сам не понял, что это, но остро ощутил желание убраться отсюда подальше. Гриффиндорцы расступились. «Да что же их так много?! Человек семь, не меньше! И это поганое чувство никак не отпускает…» — Привет, Ал, — сказал Джеймс Поттер, и его глаза недобро блеснули при взгляде на его спутника. — Ты водишься с этим гаденышем? У вас еще не было новейшей истории? Сейчас про

Выручай-комнату показывают всем курсам, — он обернулся, ища поддержку своему наглому тону у сокурсников, и он ее нашел. Гриффиндорцы ухмылялись, скалились, всем своим видом демонстрируя, где они видали этот Слизерин вместе с Малфоем. — Это его папочка там был, так ведь? Этих ни с кем не спутаешь… Это его папочка держал под прицелом нашего отца, это из-за него он чуть не погиб… И ты, ты смеешь общаться с ним, с сыном Пожирателя смерти?! У тебя есть

понятие чести, Ал, или слизеринская сущность не дает покоя? — Джеймс был взвинчен и взвинчен не на шутку. Альбус вяло подумал, что урок новейшей истории всем дался тяжело, что Джеймс не похож сам на себя сейчас, и что он никогда не видел своего брата таким... таким злым, он никогда не видел, чтобы янтарные кошачьи глаза светились таким презрением по отношению к нему. Стало одиноко, как никогда. Неужели Джеймс не понимает, что Скорпиус здесь не причем? Неужели он настолько ограничен? А ведь он старше… А Скорпиус?.. Каково ему?.. Альбус быстро перевел взгляд на приятеля и увидел, что тот стоит, зажмурившись, изо всех сил сжав кулаки, а из-под сжатых век ползет слезинка. Чуть заметная, она слегка намочила светлые ресницы и скатилась куда-то к виску, замерев в белокурых прядях. Дальше все произошло мгновенно. Голубые глаза распахнулись: в них ни следа слез, только бесконечный холод и свирепое мальчишеское отчаянье, то самое, которое может маленькому мальчишке позволить колотить человека больше и старше себя, не обращая внимания ни на что вокруг. Малфой молча кидается на обидчика, точным и выверенным ударом посылая его в нокаут. Альбусу стало страшно. За брата, за Скорпиуса, а еще мучительно стыдно, ведь он тоже Поттер и не может помочь Скорпиусу, но и избивать его позволить тоже не может. Пусть они не такие уж и друзья, но порой Скорпиус ему ближе, чем Джеймс, тем более с Джеймсом он видится редко. Он не видит другого варианта, кроме как кинуться на Малфоя и пытаться его оттащить от лежащего на полу брата. Как назло ни одного старшекурсника. Ау! Куда вы все подевались?! Ну, хоть кто-нибудь… Почувствовав острое желание завыть от отчаянья, Альбус еще крепче вцепился в малфоевские худые плечи, чувствуя пальцами выпирающие тонкие ключицы и мимолетно поражаясь, насколько Скорпиус хрупкий. Однако эта видимая хрупкость не мешает ему вырываться с какой-то звериной яростью. Молча. Джеймс ошарашено смотрит на происходящее, сидя на полу, в его глазах – обида. Альбус не ударил змееныша, он просто держит его. А Скорпиус тем временем гибко изворачивается и дает Альбусу локтем поддых , от чего тот с глухим стоном сгибается

пополам. — Ты ударил. Моего брата, — проговаривает Джеймс, утираясь рукавом и чувствуя внезапный прилив братской любви. На самом деле ему нужен повод. Повод для ярости. Желание выплеснуть эмоции не утихло, наоборот, стало ярче, сосредоточилось на тонкой фигурке перед ним. Победить. Доказать превосходство. Дать всем понять, что Поттеры – хозяева положения здесь и никак иначе. Скорпиус косится на согнувшегося Альбуса, в глазах искреннее сочувствие, но взгляд на второго Поттера полон ярости. Однако, второй раунд прерывается кряхтением старого слизеринского декана – профессора Слагхорна: — Мальчики, что происходит? Джеймс вдруг пугается. Если Малфой сейчас скажет, что Джеймс напал первый, а Альбус подтвердит, то проблемы у него будут очень серьезные. Отец за такое по головке не погладит. Он сто раз говорил, что дети

Пожирателей ни в чем не виноваты. Но Джеймс придерживался в этом вопросе позиции дяди Рона – яблоко от яблони и так далее. Тем более Альбус... Брат попал на Слизерин, позорит семью. Да еще и общается, вы только подумайте, с Малфоем… — Я спрашиваю – что происходит? – произносит профессор строже и внезапно разражается долгим надсадным кашлем. — Ничего, сэр, – произносит Альбус, прерывая затянувшуюся паузу, — мы просто разговаривали. — Разговаривали? – недоверчиво щурится Слагхорн. У него уже совсем плохо со зрением, он не видит бледную закушенную губу Скорпиуса Малфоя, дорожки от слез на щеках Альбуса и внушительный фингал под правым глазом старшего Поттера. Гриффиндорцы молчат. Но их взгляды в сторону Скорпиуса Малфоя и Альбуса Поттера не предвещают ничего хорошего. — Мы уже уходим, профессор, — кивает Малфой и удаляется вниз, гордо подняв голову и ни разу не оглянувшись. Альбус бормочет: — Спокойной ночи, профессор, — и уносится следом, бросив странный взгляд на брата напоследок.

***

— А-альбус-с-с-с П-п-пот-т-тер ш-ш-ш… Я ж-ж-жду-у т-тебя-я-я… Да-авно… Н-найди, н-найди-и… Нас-с-следие-е… т-т-ты поймеш-ш-ш-шь…. Альбус резко вскакивает с кровати, откидывая в сторону бесполезное одеяло. Бесполезное, потому что его колотит дрожь. «Черт! В этих подземельях все время холодно, он привык к теплу, которое дарит большой камин в их семейной гостиной, а здесь холодно. Или это озноб, который колотит его изнутри?.. Что это было?.. Свистящий шепот во сне, как наяву… Кто ты? Что тебе от меня нужно? Малфой прав, это темная сила, я не хочу с ней связываться… Нет.. это не просто магия книги, как сказал Снейп… Это кто-то живой». Голос завораживал, голос звал. И Альбус решил не сопротивляться. Схватив мантию—невидимку, он покосился на кровать Малфоя, но решил того не будить. Пусть спит. Вряд ли он поймет этот порыв сорваться куда-то посреди ночи. У самой двери его застал тихий голос: — Ты куда, неугомонный? Скорпиус проснулся. — Мне надо, — прошептал Альбус, умоляя высшие силы, чтобы больше в этой комнате никто не проснулся. — Сейчас, — прошептал Скорпиус, и Альбус услышал тихое: — Люмос минима… — после последовала чуть слышная возня и прикосновение холодной руки. — Тебе холодно? – удивился Альбус. — У меня всегда руки холодные, —

пробурчал Скорпиус. Альбус молча накрыл Малфоя мантией, и они покинули комнаты Слизерина. В коридоре, почувствовав себя менее скованно, Скорпиус спросил: — Так что случилось? Куда собрался? — Она зовет меня, – просто ответил Альбус. — Я знаю, что нужно ее найти. И найти быстрее. — Зачем? — Знаю, — упрямо помотал взлохмаченной головой Поттер. — Просто знаю. — Пошли, — коротко сказал Малфой, не издавая больше ни звука. Альбус шел уверенно. Он знал куда идти. Они поднимались по старой лестнице, а потом куда-то вглубь коридоров. Альбус и не думал, что в Хогвартсе есть такие закоулки. В темном коридоре, куда не доставал даже свет от ближайших факелов, Альбус достал свою палочку. — Люмос! – коридор осветился голубоватым светом, который озарил почерневшую дверь. Приглядевшись, Альбус понял, что это сажа. Его охватила дрожь. Малфой, стоящий рядом, несильно сжал его руку, словно успокаивая, и Альбус был ему благодарен за этот жест. — Что дальше? – шепотом спросил он. Поттер-младший покачал головой и вдруг стремительно прикоснулся лбом прямо к грязной двери и горячо прошептал: — Откройся… пожалуйста, откройся.. я помогу… я должен… он ждет меня… — Он? – удивился Малфой. — Книга – она, но ты сказал он… Альбус не ответил, продолжая что-то неистово нашептывать черной двери. Раздался лязг и скрежет, и дверь медленно поползла в сторону. Скорпиус Малфой и Альбус Поттер стояли на пороге сгоревшей Выручай-комнаты. И здесь не могло быть ничего, потому что адское пламя сжигает начисто. И предметы. И судьбы.

Недоверие

Роза Уизли недовольно повела носом, чутко улавливая аромат сваренного абсолютно неправильно зелья временной невидимости. Виновник отвратительного запаха, что, вне всякого сомнения, давал плохо нашинкованный корень мандрагоры, находился в углу гостиной за мягким уютным диваном, естественно, красного цвета. Роза подошла к своему двоюродному старшему брату и, нахмурившись, строго спросила (ну точь- в-точь Грейнджер в ранней молодости): — Что же ты это тут делаешь, Джеймс Поттер? — А ты у нас, что, уже староста факультета? – мальчишка грозно сверкнул глазами в сторону сестренки. Уизли опешила от подобной наглости, но все же смогла быстро взять себя в руки и проговорить: — Ты варишь зелье невидимости по учебнику старшего курса. Причем неправильно. — Тебе-то откуда знать? – Джеймс окинул Розу заинтересованным взглядом. Мелкая не так проста, как кажется… — Ой, — она отмахнулась, — я много зелий знаю, мне нравится зельеварение, ты же знаешь. Я с мамой уже пятый курс прохожу. Проходила, – добавила она с грустью, потому что очень скучала по дому. А особенно по маминым урокам, так как в Хогвартсе приходилось изучать зелья по положенной программе, и из-за этого ей было невыносимо скучно. — Лучше скажи, зачем оно тебе? Может, я помогу, – с лукавой улыбкой закончила девочка. Джеймс подумал, что Роза сейчас похожа на лису из детских сказок – может, и не такая уж рыжая, зато именно с той самой хитринкой в больших карих глазах. — Не твое дело, — пробурчал Джеймс и поднял голову. Роза тут же увидела огромный синяк прямо под глазом брата. — Ох, — она присела рядом, — что это? — Фингал, — вяло проинформировал Джеймс, лихорадочно придумывая, чтобы такое соврать Розе и как бы ее выпроводить побыстрее. — Вижу, — улыбнулась Уизли. — Хочешь зелье приготовлю? Свести? — Хочу, — снова буркнул невежливый Поттер и вдруг выпалил: — Мне нужно этого придурка достать! — Какого придурка? – не поняла Роза. — Малфоя. Мелкого. — Скорпиуса что ли? – Роза рассмеялась. — Так это он тебя уделал? Вот бы не подумала, а на вид такой худой, — Роза уже смеялась от души, косичка за спиной забавно хлопала по острым девичьим лопаткам. — Они с Алом что-то задумали, – тихо сказал Джеймс. — Еще и с Алом… — вздохнула Роза. – Вас, мальчишек, ни на минуту нельзя оставить без присмотра, — строго сказала она, с точностью копируя мамин тон. Она вообще старалась подражать

матери, потому что строгая, всегда подтянутая и такая справедливая Гермиона Уизли была для нее идеалом. — Рассказывай, – и она устроилась рядом, подперев ладошками острый подбородок. Ей казалось, что так она выглядит взрослее.

*** Выручай-комната была пуста. Абсолютно. Стены покрыты сажей, такой мягкой и невесомой, которая остается от сгоревших книг. Сколько же лет прошло... Альбус затаил дыхание. Он закрыл глаза и представил картинки прошлых лет. Как его отец, мальчишка со всколоченными волосами, ненамного старше него, вместе с верными друзьями Гермионой и Роном, собирает здесь Отряд Дамблдора, чтобы смело противостоять выскочке из министерства, противной Долорес Амбридж… Он как наяву видит конец уникальной комнаты… Теперь он точно знал, как это было, и никогда не забудет страшный рев адского огня, падение одного из слизеринцев в самое пекло, и упрямого гриффиндорца на стареньком, школьном «чистомете», что снова и снова кидается в огонь, чтобы спасти врага… Из мыслей о прошлом его вырвал резкий звук – оглушительно и громко чихнул Скорпиус Малфой, о существовании которого Альбус уже почти забыл. Малфой задумчиво провел рукой по лицу, смешно почесав острый нос, и тихо сказал: — Пыль, сажа. Здесь ничего нет. — Есть, — губы Поттера складываются в тонкую линию, выражая непоколебимое упрямство, и он чувствует нечто, что безошибочно указывает направление. Скорпиус с недоверием смотрит на приятеля, и вдруг его тоже накрывает. Он чувствует. Чувствует силу, что дремлет в этих древних стенах, силу, что всегда была здесь. Он уверен, что не сможет совладать с этой силой, если она вырвется на свободу. Огромный страшный зверь, что спит, уютно свернувшись калачиком – вот что такое сгоревшая Выручай-комната. Если не будить эту спящую неведомую силу, пройти мимо, то все останется как прежде. И Малфой понимает, что он не готов сейчас встретиться с этим лицом к лицу. Профессор Бейлс говорил, что вход в комнату не найти, что многие пытались. Что даже Гарри Поттер не смог этого сделать. Стены Хогвартса будто сами противились поискам. Ничего, что хотя бы отдаленно напоминало бы вход в волшебное помещение, не нашли. А теперь вот она – Выручай-комната, и Альбус стоит посредине помещения, замерев и смотря зелеными глазами в пустоту, странно раскачиваясь, будто в каком-то трансе. И Скорпиус видит перед собой не одноклассника, не мальчишку, а Мага. Мага, что способен удержать рвущуюся на свободу мощь. Сила вокруг него, она словно кокон окутывает Поттера серебристыми нитями. Скорпиус встряхивает головой, зажмуривается и резко открывает глаза. Наваждение исчезло.

Перед ним снова Альбус Северус Поттер – обладатель редких, знаменитых имен и просто надоедливый однокурсник, такой же, как он сам. Альбус уверенным шагом направляется к дальней стене комнаты. Понимает ли он, что Скорпиус только что чувствовал? Осознает, что он сам – сгусток дремлющей магии? Или показалось? — Скорп! – кричит Альбус из своего угла. – Здесь что-то есть! Скорпиус решает, что обо всем подумает позже, а пока ему тоже безумно любопытно, что же в этой пустой комнате обнаружил Альбус. — Здесь тайник… — шепчет Альбус и проводит грязной рукой по почерневшему камню. Скорпиус никаких тайников не видит. Он видит просто черную стену и больше ничего. Но Альбус явно что-то чувствует, он снова и снова проводит пальцами по стене, слегка чуть касаясь, и снова уговаривает камень открыться. Да что же это такое в самом деле! Что за бред?! Зачем он разговаривает со стенкой? Но, видимо, в том есть свой смысл, потому что стена открывается. Она действительно открывается! Альбус с победным видом протягивает руку в темную нишу и… достает книгу. Где-то Скорпиус такую видел. Точно видел… Темно-коричневая, небольшая… Альбус не смотрит на обложку, где что-то написано, он сразу открывает книгу на первой странице. Скорпиус не выдерживает напряжения и нетерпеливо заглядывает ему через плечо. Надпись на первой странице сделана черной ручкой, четким мелким почерком. — Ничего не понимаю… — бормочет Альбус. — Это не наследие Слизерина, это же… — Точно! – восклицает Скорпиус, вспомнив, откуда ему знакома книга. — Я же видел такую. — И я… — повторяет Альбус. Первокурсники разочарованно вздыхают. Комната больше не кажется магической. Просто пустое, пыльное помещение, откуда хочется побыстрее уйти. И они уходят. На пороге, Альбус снова слышит: — Альбус-с-с-с… ты вернеш-ш-ш-ш-шьс-с-ся-я… ты поймеш-ш-ш-шь… Нас-с-с-следие-е-е ж-ж-ж-ждет… Альбус мотает лохматой головой, словно пытаясь вытрясти непонятный голос из своей головы. И понимает, что голос прав. Он действительно вернется. Когда поймет, где искать это самое наследие. А книгу, найденную в сгоревшей Выручай-комнате, он крепко прижимает к себе под мантией-невидимкой. Это учебник за шестой курс по зельеварению, где на первой странице аккуратно выведено: «Эта книга является собственностью Принца-Полукровки». *** Гарри Джеймс Поттер в свои тридцать шесть лет боялся только одного – когда-нибудь ошибиться, сделать неверный шаг, который будет стоить кому-то жизни. Будучи главным аврором Британии, он следил за многим и многими. А когда тревожный сигнал поступил из Хогвартса, он, не раздумывая, решил заняться этим делом сам. Вроде и не

произошло ничего страшного, просто стихийный магический всплеск в древних стенах, но на заметку взять стоило. Что это могло быть? Чересчур талантливый ученик не совладал с внутренней силой? Защита Хогвартса дала сбой? Что? Гарри Поттер не знал, почему ему так не нравится простой, в общем-то, случай, что по зубам кадету и уж никак не является обязанностью главного аврора. Но он забрал дело к себе, проигнорировав удивленные взгляды опытных авроров и своих учеников. Что-то ему не нравилось. И очень сильно. *** Вот уже второй час подряд Альбус изучал таинственный учебник неведомого Принца. Конечно, зелья за шестой курс казались очень сложными, а поправки на полях и вовсе были вне его одиннадцатилетнего ума. Повздыхав, повертев книгу и так и этак, Альбус вдруг увидел странно выцветшую надпись на самом краю одной из страниц ближе к концу. «Наследие есть. Я уверен». Сердце бешено заколотилось, казалось, еще немного — и оно вырвется, пробив выпирающие ребра. Наследие. О наследии Салазара так небрежно сообщает Принц на страницах потрепанного учебника? Альбус верил своей интуиции, а она кричала, что да, да! Тайна рядом, она вот здесь, иди и бери, вот только как… Где эта книга? Голова разрывалась от противоречивых мыслей – с одной стороны хотелось разгадать загадку и найти это наследие, а с другой – он не совсем понимал, зачем ему это, собственно говоря, нужно. Провозившись на кровати еще с полчаса, Альбус Поттер, наконец, спокойно засопел. Он не слышал, как к его кровати кто-то неслышно подошел. Аккуратно отодвинув полог, он мягко вытащил из расслабившихся пальцев книгу Принца-Полукровки, удовлетворенно хмыкнул и так же тихо удалился. Проснувшись утром, Альбус первым делом начал шарить рукой в поисках заветного учебника. Книги нигде не было. Поттеру даже стало казаться, что вчерашнее приключение в Выручай-комнате ему просто приснилось. Он быстро встал, схватил свои вещи и прошмыгнул в ванную, стараясь не встречаться глазами с однокурсниками, потому что начал подозревать, что учебник исчез не просто так. Душ привел его в более-менее нормальное расположение духа, и он решил не пороть горячку, а просто уточнить у Скорпиуса, может, это Малфой взял книгу? Была суббота. Никого не найдя в спальне, Альбус вдруг вспомнил, что сегодня очередная игра. Рэйвенкло против Хаффлпаффа. И ведь он обещал и Джеймсу, и Розе, что пойдет с ними. Ой, кажется, это было вечность назад! А теперь надо быстро бежать, чтобы успеть к началу, очень хочется узнать, против кого предстоит играть слизеринской команде. Забежав в большой зал, Альбус увидел, что тот наполовину пуст. Половина учеников разбежалась по

раздевалкам поддерживать своих игроков, некоторые решили прийти пораньше на поле. День был хмурым, но дождя не было, что не могло не радовать как игроков, так и болельщиков. За кого болеть, Альбус еще не решил. Наверное, на поле, он сможет разобраться со своими симпатиями. Слизеринцы сидели за столом практически в полном составе и неторопливо завтракали. Скорпиус Малфой поднял тяжелый, хмурый взгляд на Поттера-младшего и отвернулся. «Ну, что опять не так?!» Но дойти и выяснить, что именно не так, Альбус не успел. — Ал! – раздался мелодичный голосок слева, и в его запястье вцепились теплые пальчики Розы Уизли. — Что? – Альбус покосился на сестру из-под упавшей на глаза челки и чуть улыбнулся: в глазах Розы было столько доброжелательности и искренности, а ее улыбка была настолько мягкой, что он сменил гнев на милость и, несмотря на резко испортившееся настроение, постарался так же тепло улыбнуться в ответ. — Ал, пойдем к нам, — Роза уверенно потянула его к гриффиндорскому столу. Саманта Флинт – семикурсница, староста Слизерина скривилась и неодобрительно покачала головой, когда Альбус случайно встретился с ней взглядом, посмотрев на свой стол. Он замер и бросил быстрый взгляд в сторону Малфоя. Белобрысый слизеринец смотрел на него с вызовом и чуть усмехался. А пошло оно все! Он не будет реагировать на слизеринские подначки. В конце концов, еще никто и никогда не запрещал студентам садиться там, где хочется, пусть даже это и стол другого факультета. Альбус, нахмурившись, послал победный взгляд Малфою и, громко фыркнув, уселся рядом с Джеймсом. Скорпиус чуть поперхнулся соком, глаза опасно сощурились, по губам поползла кривая усмешка. Роза весело болтала о предметах, преподавателях, сидя между двумя мрачными Поттерами. Джеймс все еще не простил брату общения с Малфоем и теперь старательно хмурил темные брови, стараясь не смотреть в сторону Альбуса. Альбус же был расстроен непонятным поведением Скорпиуса, и больше всего ему хотелось подойти и вмазать по ухмыляющейся физиономии слизеринца. — Альбус, — серьезно сказала Роза. — Я знаю, что ты ищешь какую-то книгу. Я думаю, что могла бы тебе помочь. Альбус послал красноречивый взгляд в сторону Джеймса Сириуса и усмехнулся не хуже Малфоя: — Не надо, Рози, спасибо. — Надо, Ал. Ты же не справишься один… — А я и не один, — теперь Альбусу хотелось въехать по носу брату. Задумчиво почесав сжатые костяшки правой руки под столом, Альбус Поттер задумался. И с чего это он стал таким отъявленным драчуном? Отец был бы недоволен. Медленно выдохнув, он сказал Уизли: — Когда нужна будет помощь, я попрошу. Ладно? Роза кивнула и

аккуратно пожала его руку. Поттер-младший быстрым шагом направился на стадион. — Ты куда? – встрепенулась Роза. — Идите без меня, — кинул Альбус через плечо, понимая, что с Джеймсом ему лучше сейчас не разговаривать. В коридоре его нагнал Скорпиус. И пошел рядом без пожеланий доброго утра или просто вежливого приветствия. Альбус сделал вид, что не замечает одноклассника, который идет за ним, отставая на шаг. В конце концов, Альбус не выдержал – обернулся и резко спросил, ухватив Малфоя за воротник и глядя прямо в глаза: — Это ты взял учебник? — Нет, — тон Скорпиуса спокойный, но Альбуса просто так не обмануть – он видит тревогу в голубых глазах и даже панику. Он беспомощно произнес: — И что теперь делать? Малфой помотал головой и вдруг резко схватил Поттера за удерживающее его запястье. Альбус тихо ойкнул, когда руку пронзила боль, и она вывернулась под натиском прохладных, будто стальных, пальцев. Скорпиус поправил воротник и степенно зашагал дальше, не оглядываясь. Альбусу ничего не осталось, кроме как последовать за ним. После матча, закончившегося сокрушительным разгромом Рэйвенкло, студентов ждал обед, а дальше день продолжался своим чередом. Альбус снова направился к раздевалкам – время тренировок Слизерина. Они с Малфоем тренировались вместе, Скорпиус числился как заменяющий. Открыв шкафчик, Альбус привычно потянулся в угол за своей метлой. Сердце все еще замирало и екало, когда гладкое древко оказывалось в его руках, все-таки это метла профессионального игрока в квиддич, а не школьника, и Альбус относился к ней очень трепетно. Не нашарив метлы в углу, он рассеяно вытащил всю экипировку и задумчиво изучил голые стены шкафчика. Внутри все сжалось и похолодело. Метлы не было. Да что это такое! Чьи это шуточки? Сначала учебник, а теперь метла?! Внутри закипала злость, неконтролируемая ярость клокотала где-то в районе тонкого мальчишеского горла. Тоненько звякнули окна, по раздевалке пронесся быстрый поток свежего воздуха. Студенты с удивлением оглядывались, не понимая, откуда это вдруг пахнет грозой. Альбус развернулся и посмотрел на Скорпиуса, который невозмутимо сидя на скамейке неподалеку натягивал налокотники. — Малфой! – позвал он без выражения, и Скорпиус едва заметно вздрогнул – ведь Альбус еще никогда не называл его по фамилии. — Что? – лениво отозвался он, внутренне сжимаясь и принимая вызов: — Ты брал мою метлу? – в голосе едва прикрытая угроза. — Поттер, – тихо произнес Скорпиус, подходя вплотную к сыну героя. Несколько секунд контакта глаз. Голубые снова прищурены, в них обида напополам со злостью, — тебе пора научиться следить за своими

вещами. Почему ты второй раз пытаешься меня в чем-то обвинить? Я считаю это оскорбительным по отношению к себе, – гордо вскинув белобрысую голову, Малфой удалился, степенно и не оборачиваясь. Альбус обессилено присел на скамью, до боли закусив губу. На глаза наворачивались слезы. Ну зачем? Конечно, он мог бы подумать на Нотта или чересчур улыбчивого Забини, например… Но Нотт, как и Забини, не тренировались здесь. Ни Нотт, ни Забини ничего не знали про учебник. Об этом знал только один человек. И эта тревога в его глазах, которую он почувствовал утром. Осознание того, что Скорпиус мог так поступить, разрывало его изнутри. Он чувствовал себя бесконечно одиноким. А ведь наследие так и не найдено. А на помощь Малфоя можно теперь и не рассчитывать. Зато, наверное, можно рассчитывать на помощь Розы?..

Конечно, можно было бы написать об этом отцу. Конечно, главный аврор в два счета вычислил бы пропажу. Но Альбус упрямо продолжал тренироваться на школьном «чистомете» и даже получал от этого чисто детское удовольствие, представляя себя Гарри Поттером, летящим над адским огнем. Малфой тренировался на точно такой же, которая была у Альбуса когда-то. Из чего следовало сделать вывод, что Скорпиусу вряд ли понадобилась бы еще одна метла. А кто тогда? Ну, кто? Вопросы, вопросы… В голове Поттера-младшего их полно, а ответов к ним нет. Почему он больше не смог открыть Выручай-комнату? Прохода снова как ни бывало. Он бы и рад рассказать всему Хогвартсу, что уникальная комната снова открыта, но это было не так. Когда он вернулся туда на следующий день, то просто не нашел двери. Тренировка была напряженной, трудно было соревноваться с Малфоем на старой школьной метле, трудно было сосредоточиться на снитче, когда такой сумбур в голове. Тем более холодность в отношениях со Скорпиусом превратилось в настоящий мороз. Именно такое определение приходило в голову Альбусу, когда он смотрел на бледное лицо одноклассника с заострившимися чертами. Но странно было другое. Малфой все время ходил за ним с этим своим отмороженным видом, что, конечно, не добавляло хорошего настроения. Когда Альбус пытался спросить, почему Скорпиус бродит за ним тенью, тот поджимал тонкие губы и глубоко вздыхал. После чего отворачивался и делал вид, что ни за кем никуда не ходит. Что это просто случайное пересечение маршрутов, не более. Альбус злился, начинал краснеть, путаться в словах и просил оставить его в покое. На что Малфой вопросительно поднимал бровь (и как это у него получается?), усмехался и высокомерно задирал свой острый аристократический нос, оставляя поттеровский вопрос без ответа. Альбусу продолжали сниться сны. Сны, в которых с ним говорил шипящий голос. Голос просил найти. Голос уговаривал довериться интуиции. Не в силах справляться с ним, через неделю Альбус под мантией-невидимкой пробрался к заветной комнате с портретом «черного» человека в надежде найти ответы. Посеребренная портретная рама была пуста. Альбус устало опустился на пол, потому что мебели здесь давно уже не было – последнюю рухлядь они вынесли еще на той, последней

отработке. Только стеллажи. Бесконечные стеллажи с пузырьками, колбочками, фиалами всевозможных форм и размеров. Альбус Северус прикрыл глаза и подумал, что зря он сюда шел. Он устал от этого всего. Надо написать отцу. Надо рассказать о наследии и о том, что Фред Уизли почему-то пытался искать его в запретной секции, о том, что он нашел учебник неведомого Принца-полукровки, и что самое главное и неприятное – учебник пропал. И о том, что у него украли метлу. Именно украли, и это жестоко, если учесть, как он к ней относился. И отец решит все проблемы. Он все объяснит. Отец посмотрит на него с нежностью, потрепав по непослушным вихрам, как на маленького запутавшегося ребенка…. Нет! Альбус распахнул глаза и сжал губы в тонкую линию. Он тоже сильный. Пусть ему не суждено стать героем, как его отцу. Но он сильный. Он – студент Слизерина. Да. В первый раз он ощутил что-то вроде гордости за свой факультет. Нельзя презирать место, где живешь, и людей, с которыми живешь. Они все, и Чарли, и Винсент, и Джон - просто дети бывших слизеринцев, за которых война решила, что они должны сражаться на другой стороне. А он – слизеринец, и про них не зря говорят, что они хитрые и изворотливые и найдут выход из любой ситуации. — Профессор… — он поднял голову, вглядываясь в простенький интерьер картины. Деревянный грубый стол, такой же стул с высокой спинкой. И очень много книг на полках, — Профессор, — повторил он еще тише, — ответьте, пожалуйста. — Что еще стряслось, Поттер! – услышал Альбус раздраженный голос и сразу же вскочил на ноги, склонив патлатую голову в приветственном жесте. — Я… – он почувствовал, что слова застряли где-то в горле, как это всегда бывало при попытке общения с бывшим директором Хогвартса. — Мне нужен совет. — Я вас слушаю, — длинные, узловатые пальцы нервно постучали по шершавой поверхности нарисованного стола. — Мы нашли Выручай-комнату! – выпалил он на одном дыхании. — И что? Много, кто ее находил! – профессор не выглядел удивленным. — Как? – ошеломленно прошептал Альбус. — Но ведь она же разрушена со времен войны. Она сгорела в адском огне. Совсем сгорела! Никто не мог ее найти! Отец не мог! А мы нашли! — Сгорела?.. — Альбусу показалось, или в бесстрастном голосе профессора было удивление? — А вы не знаете? – отвечает он вопросом на вопрос. — Нет, – сухо прокомментировал профессор. — Ну так просветите меня, кто этот варвар, что спалил уникальное помещение. Уж не Гарри Поттер ли его имя? – Снейп хищно усмехнулся. — Нет… то есть… Огонь призвал Винсент Крэбб и погиб там же. Папа тоже был там. Он спас мистера Малфоя, и

комната сгорела… — Вот как, — происходящее явно забавляло бывшего профессора зельеварения. — И ты, мальчишка, утверждаешь, что теперь нашел эту комнату? — Да, именно. Голос. Он звал. Я нашел в комнате учебник по зельеварению. За шестой курс. Он раньше принадлежал какому-то Принцу-Полукровке, – Снейп заметно вздрогнул и вцепился руками в край своего стола. — Вы что-нибудь знаете об этом? — Возможно, Альбус, возможно, — фигура в черном балахоне стала нервно передвигаться от одного края рамы к другому. — Но, пойми, я – всего лишь портрет, жалкая тень Северуса Снейпа. Память для потомков. Я не могу тебе помочь. Разве что только рассказать что-нибудь из прошлого… Что ты хочешь? Узнать, почему слышишь голос? Я не знаю. Узнать, кто такой Принц-полукровка? Вот здесь я тебе просто скажу, что это не твоего ума дело. — Но вы знаете? — Настырный мальчишка! Конечно, знаю! — Ну и ладно, — Альбус ощутил мокрые дорожки, что поползли из уголков глаз по щекам. Он резко развернулся и медленно пошел к выходу, злясь на войну, на профессора зельеварения, что при жизни был таким упрямым, что и его портрет продолжает отражать вредный характер. — Поттер, — окликнул чуть насмешливо. — Кто вам сказал, что наследие – это книга? Да, и… там, в учебнике. Между 100 и 101 страницей…. некое послание… — после чего шагнул за раму и исчез. Альбус постоял, прислушиваясь к ночным шорохам замка и, шумно выдохнув, покинул комнату, направляясь к подземельям Слизерина. В гостиной обнаружился Малфой, который сидел в кресле, поджав колени к подбородку, и задумчиво изучал тлеющие в камине угли. — Малфой? – спросил Альбус и вздрогнул, когда тот поднял на него глаза. В них был укор. В них была обида. Они стали темными, словно небо перед грозой. — Ничего, — ответил он бесцветным голосом и, потянувшись, пошел в спальню, наглухо задернув свой полог от пристальных зеленых глаз, которые недоуменно следили за ним, будто спрашивая о чем-то.

* * *

— А теперь, вы сами приготовите основу для зелья сна без сновидений. Будьте осторожны с белладонной – пары растения ядовиты, поэтому не доводите до кипения. Будьте внимательны! Альбус аккуратно стал доставать все необходимое. Не доводить до кипения. Все ясно. Сейчас. Где у нас эта белладонна… Ага, вот. Так, что там? Порезать? Сейчас-сейчас. И порежем, и раздавим и вообще все, что угодно. Скорпиус Малфой задумчиво и степенно открыл свою сумку, и тут же из нее посыпались аккуратные свертки, учебники, перья и чернильницы. Малфой-младший вздрогнул и непонимающе уставился на танцующие в воздухе

вещи, не предпринимая никаких попыток их поймать. Альбус удивленно взирал на однокурсника, не понимая, что это с ним и вдруг его внимание привлекла сумка Скорпиуса. Из внутреннего кармана что-то явно рвалось наружу. Что-то, что держалось за прочным куском ткани. Побледнев, Альбус молча подошел к его столу и на глазах у всего класса выудил рвущийся наружу предмет из потайного кармана. «Продвинутый курс зельеварения. 6 курс», — гласила надпись на обложке потрепанной коричневой книги. Альбус вздрогнул и, будто не веря, провел пальцем по корешку. Поднял глаза. Скорпиус стоял, глядя на него широко распахнутыми глазами, в которых было неподдельное недоумение. Он не пытался оправдаться и что-то сказать. Он просто смотрел, и его голубые глаза из равнодушных стали колючими и непроницаемыми. Альбус сделал шаг назад, чуть не опрокинув котел Адель Забини. Слизеринка тихонько ойкнула и поспешно убрала ингредиенты и котел на другую половину стола. Казалось, что между двумя слизеринцами, что застыли посреди класса, искрятся молнии. Альбус подумал, что он уже целую вечность стоит и смотрит в эти ледяные глаза, и откуда-то из груди к горлу подступает противный комок, так бывает, если сделать слишком крутой вираж на метле. Стало трудно глотать. Он резко развернулся и побрел к своему месту, сжимая учебник Принца побелевшими пальцами. — Минус 10 баллов, Слизерин, за выяснение отношений на уроке, — строго произнес профессор Лонгботтом, и слизеринская половина класса недовольно вздохнула, косясь на Альбуса Поттера. Нотт усмехнулся и сидел довольно улыбаясь. Забини задумчиво изучал, белобрысую макушку уткнувшегося в книгу Скорпиуса Малфоя, который пытался таким образом скрыть красные пятна на побледневших щеках. Когда основа для будущего зелья была приготовлена, и профессор счел урок оконченным, Альбус быстро побросал все в сумку и выскочил из класса первым. Промчавшись по коридору и чуть не сбив с ног нерасторопного хаффлапаффца, растолкав двух рэйвенкловок-близняшек и вообще изображая из себя стихийное бедствие, он на всех парах влетел в большой зал. Очень хотелось сесть к гриффиндорцам. Но ему были не нужны повышенное внимания Розы и остроты Джеймса по поводу его подавленного настроения. Поэтому он просто улыбнулся всему гриффиндорскому столу, приветливо помахав рукой. После чего сел за слизеринский, примостившись у самого края. Закусив губу, он напряженно всматривался в лица студентов, которые заходили в зал группами или поодиночке. Наконец у дверей мелькнула белесая макушка. Альбус тут же отвернулся и сделал глубокий вздох, чтобы не разреветься. Он не видел, как Скорпиус Малфой

остановился у входа и, с легкой полуулыбкой изучив всех присутствующих, остановил свой взгляд на гриффиндорском столе. Найдя всколоченную рыжеволосую голову, он усмехнулся и медленно провел ребром ладони по горлу, незаметно, чуть касаясь. Янтарные глаза вспыхнули яростью и тут же метнулись в сторону, не в силах выносить завораживающий, усмехающийся взгляд. После чего Малфой прошел к столу и уселся рядом с Альбусом, несмотря на то, что хмурый однокурсник старался отодвинуться подальше. Скорпиус ел с аппетитом и ни разу не взглянул в сторону гриффиндорцев, откуда на него смотрели со злобой. А если бы повернулся, то, наверное, был бы рад уловить в этих глаз страх. Самый настоящий страх перед более сильным и хитрым противником. Альбус пододвинулся еще чуть-чуть, и тарелка звонко разлетелась на осколки, свалившись с края стола. Студенты удивленно замолчали и посмотрели на слизеринцев. Красный как рак Альбус нервно вскочил, попытался применить «репаро», но у него не получилось. Он покраснел еще больше и, пнув остатки своей тарелки, быстро пошел к выходу, не глядя по сторонам. Скорпиус Малфой допил сок, аккуратно вытер рот салфеткой и в полной тишине четко произнес: — Репаро! – направив палочку на осколки. Целая тарелка снова красовалась на столе, и через пару минут все уже забыли о странном инциденте. Альбус брел по коридорам, все еще ошарашенный предательством того, кого считал своим другом. Было так больно, словно внутри поселилось колючее существо с ядовитыми иголками. Хотелось перебить эту внутреннюю боль внешней. Ударить со всего размаха по стенке, что бы расколошматить пальцы в кровь, чтобы почувствовать, что есть и другая боль. Привычная. А не это, странное и пугающее. Он не заметил, как подошел к тому самому месту, где они вместе со Скорпиусом (кажется, вечность назад!) нашли вход в погибшую Выручай-комнату. От осознания того, что у него ничего не получается, ни разгадать тайну, ни найти настоящих друзей, Альбус горько расплакался, по-детски размазывая слезы по щекам. Когда он поднял глаза, то понял, что дверь снова появилась. Слабо икнув, Альбус Поттер с легкостью открыл ее и шагнул внутрь. — Т-т-ты приш-ш-ш-шел, значи-и-ит ты готов-в-в… — прошептал уже ставший знакомым голос. — Вс-с-стань с-с-с-сюда-а-а, Альбус-с-с-с… Посредине комнаты появился слабо очерченный светом круг. Альбус шагнул туда, плохо соображая, что же происходит. Он почувствовал силу. Шквал силы, ураган силы. Все его эмоции вырвались на свободу. Любовь к своей семье и восхищение отцом, доверчивость и разочарование поведением брата, рвущаяся, ни с чем несравнимая радость первой победы и горькая обида, боль,

что сжигает его с момента, как он достал книгу из сумки Малфоя. Все это закручивается в невозможный, невероятный вихрь магической силы. Молодой волшебник с удивлением смотрит на чистые стены и пол, абсолютно пустое помещение, но… живое? Он чувствует магию проснувшейся Выручай-комнаты. И он вдруг четко осознает, что это и есть наследие. Наследие Салазара Слизерина. Не книга, нет. Это Выручай-комната, дар основателя своим студентам. И как только он это осознает, комната будто вздыхает облегченно, будто начинает дышать. Альбус подходит к стене и дрожащей рукой проводит по ее гладкой поверхности. Стена отзывается магическим теплом. Он чувствует комнату. Это просто невероятное, невозможное ощущение! Словно тысячи золотых нитей проходят сквозь тело, и каждая отзывается теплом, жизнью. Новое чувство выворачивает душу, позволяя посмотреть на себя со стороны. Но ощущение легкости и эйфории быстро проходит. Теперь он чувствует, что из него уходит магия, что Выручай-комната оживает не просто так. Ей нужна магия. Его магия. Его энергия. Жизнь.

***

Профессор Макгонагалл вздрогнула, почувствовав очень сильный магический всплеск. Нервно походив по комнате, она решительно шагнула к камину. Главный аврор стремительно выскочил из кабинета, на ходу застегивая алую мантию, и с криком: — Оперативную группу! Хогвартс! – скрылся в своем кабинете. Там он, чертыхаясь и оставляя следы дымолетного порошка на дорогом паркетном полу, шагнул в камин. Он и сам не понял, почему сердце отзывается такой болью, предчувствие чего-то неотвратимого мешало дышать и душило не хуже туго затянутого галстука, которые аврор никогда не любил. Когда он влетел в директорский кабинет, то обнаружил, что он там не один. Возле директорского стола в каком-то болезненном напряжении стоял Драко Малфой и нервно мял в руках обычную магловскую сигарету.

Легенда

Скорпиус Малфой задумчиво стоял возле лестниц и размышлял, куда же мог подеваться «этот придурок» Альбус. Почему-то внутри нарастало беспокойство. Он уже заглянул в спальни Слизерина – там Поттера никто не видел. Он был на квиддичном поле и в раздевалках, где имел весьма любопытный разговор с Джейсом Поттером. Скорпиус довольно улыбнулся, вспоминая. Отстоять свою правоту не помешала даже толпа преданных Джеймсу гриффиндорцев. Так... А теперь, надо поделиться открытием с Альбусом. Скорпиус и не заметил, как мнение Альбуса Северуса стало иметь для него значение. Хотя, это только такой погруженной в себя и свой мир эгоист, как Альбус Поттер, мог не заметить его истинно малфоевской симпатии. Отец всегда учил все эмоции держать под замком, и Скорпиус пока неплохо с этим справлялся. А что… что если этот псих снова решил что-то выяснить про Выручай-комнату? Скорпиуса очень забавляло это желание Альбуса докопаться до истины, и он не мог не восхищаться упорством одноклассника. Он не раз задавал себе вопрос, а смог бы он сам вот так? Вот так стремиться узнать, не боясь, не оглядываясь на свое громкое имя и отцовский гнев? А сейчас в Хогвартсе что-то происходит. Он чувствует вибрацию, легкую, на самой грани чувств и эмоций, словно что-то ревет где-то далеко, глубоко… Подземелья? Скорпиус срывается с места и мчится к месту сгоревшей Выручай-комнаты, просто чувствуя, что это правильно. «Бойся своих симпатий» - так, кажется, говорил отец, перефразируя известного философа. О, да. Скорпиус был очень образованным ребенком, его воспитанием занимались тщательно и небезуспешно. И симпатий научили боятся. Скорпиус в недоумении остановился около того места, где должна была быть дверь, но ее не было. Прикоснувшись к стене, он понял, что она излучает тепло, что именно отсюда распространяется вибрация по всему замку. Стало страшно. Скорпиус был готов убежать оттуда прочь, как дверь гостеприимно открыла ему сочащийся мягким желтым светом проем. Не в силах побороть любопытство и странное предчувствие, Скорпиус осторожно заглянул внутрь. И тут же не раздумывая подбежал к неподвижной фигурке в зеленой мантии, что скрючившись, застыла у стены. — Ал! – требовательно позвал он, разгибая непослушные пальцы, силясь отодвинуть их от лица приятеля. Словно тысячи мелких иголочек вцепились в кожу

Скорпиуса Малфоя. Он вскрикнул и отдернул руку. Да что же это? Он чувствовал магию, она мягко перетекала по его пальцам, она обволакивала помещение своей силой, убаюкивала. Хотелось лечь и уснуть. Просто немного поспать. Совсем… немного… — Нет! – вскрикнул Малфой-младший и с завидной проворностью потащил Поттера к выходу. Тащить было тяжело и очень больно, а заклинания, уменьшающего вес ,он еще не знал. Можно было бы попробовать Вингардиум, но Скорпиус понимал, что вряд ли сможет даже просто приподнять Поттера, не говоря уже о полноценной левитации. Черноволосая голова Альбуса моталась из стороны в сторону, руки, наконец, расслабились и теперь безвольно волочились по полу. Скорпиус не знал зачем, но знал, что надо вытащить Альбуса отсюда, что нечто влияет на него и влияет весьма неблагоприятно. Вон как побледнел, от прирожденной смуглости не осталось и следа. Тяжело. Шаг. Больно. Черт, как же больно… это не иголки, это огонь, что бежит по венам и сжигает изнутри, он не может.. не может… Еще шаг. Ну же… общественность тебе не простит, если ты не вытащишь сына героя, Малфой!... придурок, ну какой же придурок! Поперся один, что ему сказать сложно было? Все, из-за этого.. этого.. и слова-то такого для него не придумали. И чего полез, спрашивается?... Наконец, Скорпиус осознал, что они в коридоре. Мальчик сел и, тяжело дыша, прислонился к каменной стене, которая приятно холодила спину. Альбус Поттер слабо шевельнулся и открыл глаза. — В больничное? – буднично поинтересовался Малфой. Альбус поморщился, сел. Сфокусировал взгляд на однокласснике и, резко вскочив, побрел прочь, чуть пошатываясь. — Ты куда, ненормальный? – устало поинтересовался Скорпиус. Альбус не ответил, он просто зашел в ближайший класс. Там, естественно, никого не было, занятия на сегодня уже окончились. Альбус присел на один из стульев и, задумчиво отбарабанив пальцами по столу, хрипло выдавил: — Зачем, Малфой? Зачем ты ее взял? — Идиот! – закатил глаза Скорпиус – Идиот!!! – проорал он, подойдя вплотную и нависнув над твердолобым Поттером, — только такой идиот, как ты, может не понимать происходящего! — Чего? – пискнул Альбус, съеживаясь внутренне и снаружи. — Того! – взревел Скорпиус, в таком бешенстве Малфоев еще, наверное, не видел никто, — Это твой братец украл твой драгоценный учебник, это он хотел меня подставить. И он тебе об этом расскажет сам, будь уверен! – покрасневшее лицо исказилось кривой улыбкой. — А метла? – тихо произнес Альбус, плохо понимая при чем тут Джеймс, и зачем это все ему понадобилось. Но уж лучше Джеймс, чем Скорпиус. С братом он как-нибудь разберется. Брата простит, а

вот Малфоя бы не простил. — А метлу взял я, – Скорпиус сказал это твердо и спокойно. Губы Альбуса дернулись, он почувствовал, что чертова комната забрала у него много сил. Захотелось спать. Но перед этим долго кусать подушку или биться головой о стену. Все-таки Малфой и это же еще хуже, чем учебник, как он не понимает!!! — Потому что твою хотели заколдовать. Ты бы свалился на первой тренировке. — Что? – разве эти большие, зеленые глаза могут быть еще больше? Оказывается, могут. Особенно, когда их владелец удивлен. Малфой бы, конечно, мог бы сполна насладиться глупым видом Поттера, но ему сейчас было не до этого. — Чары, Поттер. Очень даже искусные. Цель – унизить, поставить на место. Ты бы провалялся в больничном крыле, а метла бы точно сломалась. И еще куча мелких пакостей. — Нотт.. – прошипел маленький Поттер. Поднялся, медленно вытер бледное лицо рукавом мантии и резко выбежал за дверь. — Стой, придурок! – завопил Скорпиус, поражаясь, как это Альбус после приключения в комнате может так быстро бегать. Но факт оставался фактом. Поттер помчался к слизеринцам. Никогда не думает, прежде чем сделать. Ну, подумаешь – метла? Ну, куда он опять? Их же там трое, а этот один… нет, не для того он его сторожил несколько недель подряд. Не для слизеринской ярости, не для злобы маленьких обиженных детей... нет. Скорпиус глубоко вздохнул. Стянул с себя мантию, деловито расправил ее и аккуратно повесил на высокий преподавательский стул, развязал серебристо-зеленый галстук и с такой же аккуратностью и неторопливостью пристроил его рядом. После чего походил по классу, массируя кисти и выворачивая их туда-сюда. Потом поднес кулак к лицу, чуть прикоснулся губами к тяжелому серебренному перстню на безымянном пальце и прошептал: — Спасибо, папа… И быстро, стремительно побежал вслед за придурком Поттером.

* * *

— Вовремя, Поттер, – произнес Драко Малфой и с брезгливым выражением лица заставил исчезнуть так и не начатую сигарету. — Что здесь происходит! – взревел Главный аврор, абсолютно не понимая, что здесь делает этот представитель семейства грызунов (или к чему там относятся хорьки?) — Мистер Поттер, — подала голос Минерва Макгонагалл, — дело в том, что зафиксирован сильнейший всплеск магии. Да вы же и сами чувствуете. — Да, — задумчиво сказал Гарри, — чувствую. — Твой сын гоняется за наследием Слизерина по всему Хогвартсу и об этом не знает ни многоуважаемый директор, — Малфой наградил Макгонагалл презрительным взглядом, и та недовольно поджала губы, — ни

его папочка – аврор. — Что? Какое наследие? При чем тут Джим? — Я про второго Поттера, Поттер. – казалось, Драко забавлялся ситуацией, и если бы не серые глаза, что смотрели с откровенной издевкой, Гарри Поттер тоже бы посмеялся над подобной игрой слов. И тут до него дошел смысл сказанного: — Ал?! – нет, мир точно сошел с ума! Тихий, застенчивый и такой маленький Альбус вляпался в историю? Да еще связанную с самим Слизерином?! — Что за манера сокращать имена до каких-то кличек? – поморщился Малфой, словно его действительно волновало, как там герой магического мира называет членов своей семьи. — Ну, конечно. Скорпиус Гиперион не сокращается. Так и зовете. Не повезло мальчишке. Мужчины уставились друг на друга, презрительно кривя губы. Глаза и того и другого были непроницаемыми и пропускали только рвущуюся наружу ярость. — Прекратить! – визгливым голосом выкрикнула Макгонагалл и закашлялась, — прошу прощения, мистер Малфой, — вежливо сказала она, — возможно, мы с мистером Поттером и впрямь не в курсе некоторых… ммм… событий. Но если вам есть что сказать и вы не зря сюда пришли, то, прошу вас, не надо испытывать мое и мистера Поттера терпение. — Хорошо, — легко согласился Малфой и отвел глаза, верхняя губа чуть дернулась, обнажая оскал. «Будто плюнул, гаденыш!» - подумал Гарри, но вслух решил не озвучивать. — Наследие Салазара Слизерина искали очень давно. Все студенты этого факультета знают эту легенду. — Легенду? – переспросила Макгонагалл. — Именно, госпожа директор. Легенду. А теперь прошу меня не перебивать. Легенда гласит, что прежде чем уйти из школы, Салазар оставил своим студентам и наследникам некий дар. Наследие Слизерина. Теоретически считалось, что наследие – это книга с темномагическими заклинаниями, которые могут помочь существенно усилить магические способности, данные от рождения. Практически никто никогда не встречал эту книгу. И даже неизвестно книга ли это. Один… слизеринец, — Малфой замялся, — искал наследие, чтобы спасти любимого человека от смерти, и он пришел к выводу, что это не книга. Спасти никого ему не удалось, но он смог выяснить, что наследие может открыться только очень сильному магу. И только наследнику Салазара. — Причем здесь Альбус? Известно, что последним наследником Салазара был Волдеморт. И что Поттеры не имеют, — Поттер кашлянул в ладонь и продолжил, — не имели к Слизерину никакого отношения. — Все слизеринцы так или иначе имеют к Салазару хоть какое-то отношение, Поттер, — раздраженно сказал Драко, — только такое недоразумение, как ты, могло думать, что твой сын на факультете случайно. —

Прекрати оскорблять! – резко сказал Поттер. — А то что? – мистер Малфой явно наслаждался моментом, — ступефаем кинешь? Или тяжелым гриффиндорским кулаком приложишь, аврор? Так ни на то, ни на другое у тебя нет никаких прав. А если и наплюешь на права, о чем я? Ты же Главный у нас тут… то в любом случае не узнаешь окончания этой замечательной истории. А знать-то хочется, Поттер.. ой, как хочется… Все! – властно махнул он рукой, — не перебивать! Время уходит, — загадочно сказал Малфой и стал серьезен как никогда. — В общем, наследие было уничтожено. Выручай-комната. Это и есть дар Основателя. Ею пользовались все, и я склонен полагать, что это только часть завещанного Слизерином. Возможно, книга и правда существует, и там подробно описано и про Выручай-комнату, и про другие части Наследия. В любом случае комната была сожжена. Вход не нашли. Но наследие призвано служить Хогвартсу, и потому был нужен маг. В меру глупый, в меру сильный. Который кинется разгадывать тайны сломя голову и отдаст свой магический потенциал. И комната возродится. Это как раз то, что чувствуют достаточно сильные маги сейчас в Хогвартсе. Для меня, например, это контраст цветов. Сильный. Так, что почти режет глаза. — Я чувствую холод, — сказал Поттер задумчиво. — Реакция индивидуальна. Комната зовет магов, ей нужна энергия, и тут уже неважно гриффиндорец ты или слизеринец, да хоть Хаффлпафф. — Так что с Альбусом? – спросил Поттер и постарался незаметно вытереть потные ладони о мантию. Маневр не удался, Малфой брезгливо сморщился. Поттер подмигнул и поковырял мизинцем в ухе. — Я предполагаю, что твой сын разбудил наследие. И комната просто впитала его магию. Если не остановить отток силы, то конец очевиден. — И? – Поттер побледнел, на лбу выступили капельки пота. Он знал ответ, но, Мерлин, пусть Малфой скажет, что это не так! Пусть! — Смерть. – сухо произнес тот, мрачно смотря, как на бледных щеках появляется лихорадочный румянец, очень подходящий к алой аврорской мантии. В следующую секунду Гарри Поттер кинулся к двери, спасать глупого сына. Малфой пошел за ним. Следом, молча и понуро, пошла профессор Макгонагалл. «Да… нет уже в кошке того запала», - подумал Драко, мимоходом отмечая и шаркающую походку, и сгорбленную фигуру нынешнего директора Хогвартса. Они все стали старше, но такие старожилы, как Макгонагалл, Слагхорн, Спраут и Филч именно состарились. Возле двери, что должна была вести в Выручай-комнату, стоял Гарри Поттер и придирчиво изучал стену, водя по ней палочкой и шепча заклятия. Тишина в этой части замка неприятно давила на уши. «Как в склепе», - подумал Драко и поежился. — Комнату и

правда открыли, — произнес Поттер, и голос его был четким и собранным, — но ей не хватило магии, — он улыбнулся, – не хватило. Они ушли. Двое. Здесь было двое. Малфой вдруг побледнел и прислонился к стене, что-то прошептав. — Что еще? – грубо спросил Поттер, не понимая, чего это Хорек вдруг так ослабел. — Скорпиус, — прошептал тот одними губами, — Скорпиус… какой же дурак… — и схватился за голову, дергая гладкие платиновые пряди. — Сейчас, — нахмурился Главный аврор, — сейчас. Вот. Он быстро достал из-под мантии кусок желтого пергамента и торопливо прошептал: — Клянусь, что замышляю шалость и только шалость. — Что это? – спросил Драко, косясь на странный предмет в недоумении. — Карта. Не видишь что ли? – Поттер сухо улыбнулся, — не только у тебя свои секреты. — Вижу, что карта, – недовольно ответил Малфой, — но чем она может помочь? Заблудиться боишься? — Карта показывает всех, кто перемещается по школе. Она досталась мне от отца и его друзей. Карта мародеров. – Поттер тепло улыбнулся своим воспоминаниям, — вот смотри. Он развернул пергамент. Вот. Поттер и Малфой. Это… — Выручай-комната, — лениво протянул Драко, — это мы, Поттер. — Да, точно. Тогда вот. Поттер… гостиная Гриффиндора. Джеймс… Так... дальше. Вот. Поттер и Малфой. Слизерин. А так же Забини, Гойл и Нотт. Что там происходит? — Судя по резким перемещениям с места на место.. они… — Дерутся… — Драка здесь? В Хогвартсе? – удивилась директор. — А что, никто здесь никогда не дрался? — фыркнул Малфой, — пойдем Поттер, как прискорбно бы это ни звучало, но идти и разбираться с отпрысками придется вместе. — Шалость удалась, – вздохнул Поттер и спрятал карту в широких складках мантии.

Наследник Когда Альбус Поттер влетел в свою спальню, то увидел, что все трое однокурсников на месте. Не в силах что-либо сказать, он сжал кулаки и выдавил из себя: — Мразь… — Что? – лениво поинтересовался Чарли, вставая с кровати. — Мразь. Это про тебя, Нотт. — С чего бы вдруг наш знаменитый Поттер так осмелел? – Нотт обошел Альбуса по кругу, внимательно заглядывая тому в глаза. Винсент встал и многообещающе хрустнул суставами на пальцах. Забини, не переставая улыбаться, достал свою палочку. — Ты хотел зачаровать мою метлу. – Альбус почувствовал, как голос чуть дрогнул. Ворваться сюда и потребовать объяснений казалось таким правильным и

единственно верным еще минуту назад, но теперь он так не думал. Теперь стало страшно. «Они ничего не сделают. Они же понимают, что грозит их семьям за драки в школе. Они же не дураки...», - уговаривал себя сын Героя, чувствуя как липкий страх потом стекает по лопаткам. А что если кто-то из них владеет Обливиэйтом или еще чем покруче? Черт разберет этих слизеринцев. Придется доказывать свое право находиться здесь. — Я знаю, почему пропала метла, — упрямо повторил Альбус и гордо вскинул голову. — И мы знаем, Альбус. – спокойно сказал Джон Забини. — Знаем, — протянул Нотт, — ее взял он – и жестом указал на вошедшего в спальню Скорпиуса. — Он хотел мне помочь! – с вызовом проговорил Поттер. — Правда? – деланно удивился Нотт, — Нет. Это Малфой тебе сказал? Он врет, Поттер. Врет. Никто и не думал зачаровывать метлу. А вот Малфой решил ее украсть. Просто потому что ее тебе подарил его отец. Согласись, сложно принять во внимание тот момент, что твой отец ставит тебя вровень с кем-то еще. Тем более, если этот кто-то – сын самого сильного в Британии волшебника. — Это правда, Скорп? – тихо произносит Альбус и пристально смотрит в голубые глаза, пытаясь уловить там негодование, ярость, обвинение в наговоре, но ничего этого там нет. Сердце резко обрывается вниз и колотится где-то в животе с немыслимой скоростью. — Да, – ледяным голосом отвечает Малфой. — Зависть, — хмыкает Забини, — поганое чувство. Но мы не были против. — Мы и сейчас не против… — произносит Нотт и слегка толкает Альбуса в спину. Альбуса будто ток прошибает, он чувствует неконтролируемую ярость, словно сильно натянутая струна, которую задели слишком резко, и она порвалась. Внутри и правда что-то оборвалось, Альбус услышал звон, кажется, это в ушах звенит… Он кинулся на обидчика, забыв про палочку и все заклинания, которые уже знал. Он просто колотил его, куда придется, вымещая обиду на этом нескладном, некрасивом мальчишке. — Ступефай! – крикнул Забини, и Альбус почувствовал, как его откинуло к стене. Тут же вспомнив, что у него тоже есть палочка, Альбус выхватил ее и завопил: — Экспеллиармус!— палочка Джонатана аккуратно влетела ему прямо в руку. Удивившись, что смог, Альбус глупо улыбнулся и вдруг понял, что вокруг стоит тишина. Скорпиус Малфой стоял в центре и сжимал в руке палочки Нотта и Гойла, потихоньку двигаясь в сторону Поттера. И когда успел? — Малфой… — потрясенно выдохнул Нотт и, видимо, не найдя слов, просто стоял

открывая и закрывая рот. — Лови! – крикнул Скорпиус Альбусу и кинул все палочки ему. После чего, по-кошачьи

развернувшись, Скорпиус ловко ухватил Нотта за шею одной рукой, другой он держал палочку, направляя ее то на Гойла, то на Забини. — Я же предупреждал, Чарли, – не обломай пальцы, — почти ласково сказал Малфой и сжал чуть сильнее. — Отпусти, — прохрипел Нотт, — предатель… идиот… — А ты попроси, — почти весело сказал Скорпиус и подмигнул обескураженному Альбусу.

* * *

Добравшись до подземелий Слизерина и оставив далеко позади шаркающую Макгонагалл, Поттер резко толкнул дверь. — Пароль! – строго вопросил портрет на стене. — Какой, к черту, пароль?! – возмутился Поттер, — Открывай! Там драка! — Пароль, — улыбнулся портрет. Поттер был готов завыть от отчаянья, когда подбежавший следом Драко Малфой аккуратно прикоснулся к двери и что-то прошептал. Дверь открылась, впуская их внутрь. — Где спальня первокурсников?! – взвыл Главный аврор, сграбастав за шкирку какого-то слизеринца, который на свое несчастье находился в это время в гостиной. — Сюда, Поттер, — Малфой резко дернул его за рукав и потащил куда-то влево. Перед красивой, резной дверью с изображением змеи он остановился. Толкнул. Дверь не открылась. — Алохомора, — пробормотал Гарри, без надежды на успех. — Ну, ты даешь, Поттер! – казалось, изумление Драко было абсолютно искренним, — причем тут простейшее запирающее? Это же Слизерин. Здесь целая вязь чар заглушающих и запирающих. Если не знать, с какого конца браться – то ни за что не расплести. — И кто накладывал? – спросил Гарри Поттер, удивляясь, как это у него еще дым из ушей не валит. Ведь внутри он буквально кипит от гнева и готов вынести вход в проклятые подземелья обычной Бомбардой. Что здесь творится, если малолетние бандиты уже знают такие заклинания и в состоянии плести сеть? — Да не горячись ты, Герой! – насмешливо улыбнулся Малфой, — я прекрасно узнаю сеть Забини. Он и сына, видимо, научил. После чего Малфой снова зашептал заклинания, певучие, плавные, будто песня. А вот теперь, — Малфой хищно усмехнулся и громко проорал: — Алохомора!!! Дверь резко распахнулась, и Поттер едва успел отскочить, чтобы не оказаться впечатанным в стену. В гостиной Слизерина перед отцами семейств предстала весьма интересная картина. Побледневший Альбус Поттер лежал на полу у дальней стены, явно отброшенный неслабым ступефаем. Но самое интересное, что в руках он крепко сжимал четыре волшебные палочки и по побелевшим костяшкам пальцев было понятно, что с трофеями он расставаться не намерен, даже

находясь в полубессознательном состоянии. Скорпиус Малфой злобно скалясь, стоял посреди гостиной, тяжело дыша. Одной рукой он удерживал Нотта, который что-то силился прохрипеть, другой пытался направить заклинание на Забини, который уже обходил его со спины. Увидев отца, Скорпиус расплылся в улыбке и сразу же отпустил одноклассника. — Отец, — облегченно выдохнул он и свалился на ближайшую кровать, понимая, что сил совсем не осталось. Гарри Поттер, удостоив одноклассников сына яростным взглядом, присел рядом с Альбусом, отмечая невероятную бледность и синюю жилку, бьющуюся на шее.

— Пап, — прошептал Альбус, – пап, мне очень плохо…

* * *

В школьном лазарете было тихо. Отец только что ушел, и Альбус теперь думал, чем бы себя занять. Протянув руку к тумбочке, он вытащил оттуда учебник Принца и задумчиво принялся перебирать страницы. Альбус улыбнулся, вспомнив лицо отца, когда тот забирал книгу из его рук.

— Да смотри здесь, пап… — сказал тогда Альбус, — не домой же его тащить… — Да… — тихо сказал Главный аврор, — не домой… - и подошел к больничному окну. Свет падал на лицо отца, и Альбус невольно отметил, что седых волос в густой шевелюре народного героя стало больше. А ведь он совсем не

старый. Все эта проклятая война. Альбус ненавидел ее всеми силами своей души, но, далеко, в глубине сердца, был благодарен. Благодарен за такого сильного и смелого отца. За отца, которым мог гордиться. Он понимал, что нехорошо так думать, что многие погибли на этой войне, многие семьи потеряли своих матерей, отцов, братьев, любимых, но все равно. Он рад, что его отец – Гарри Поттер. Альбус смотрел, как отец перебирает страницы, смотрел на глубокую морщинку между лохматых бровей и понимал, что отец где-то очень и очень далеко. Там, в далеком прошлом, от которого остались только воспоминания. Закончив листать, отец аккуратно сложил пожелтевший от времени пергамент и сел на кровать к сыну. На его лицо снова вернулось выражение заботы и теплоты. Но уже не было той искры в глазах. Он снова был отцом. Привычным и родным. — Спасибо, Альбус – тепло улыбнулся он сыну и чуть сжал его руку своей рукой. — Пожалуйста, пап, – ответил тот, — я могу спросить? — Нет, – ответ был мягок и строг одновременно, — прости, но нет. — Ладно. Тогда расскажи хотя бы про Выручай-комнату. — Наследие Слизерина. И как тебе только в голову пришло туда полезть? Ты мог погибнуть, — Гарри Поттер схватился за голову руками и потряс головой. — Комнату откроют? — Да. Соберутся очень сильные маги и поделятся с ней своей силой. Она оживет. Твоими стараниями, — наградил он сына неодобрительным взглядом. — Я чувствовал ее... Знаешь… это ни на что не похоже. Она и вправду живая, будто большой зверь. С золотистой шерстью. Теплый, — Альбус даже зажмурился, вспоминая прикосновение к стене Выручай-комнаты в первые минуты после ее пробуждения. — Фантазер... – Поттер потрепал сына по волосам. — Нет, правда. Но потом... потом было больно. — Это естественно. Комнате было недостаточно силы такого юного волшебника. Все могло закончиться очень и очень плачевно. Надеюсь, ты сделаешь выводы, – в голосе отца стальные нотки. — Малфой, он… — Да, я знаю. Он спас тебя. Он вытащил тебя из Выручай-комнаты, несмотря на то, что она забрала и его силы тоже. И как вас еще на драку хватило потом! – удивился Поттер-старший. — Да как-то само собой получилось. А вот когда я произнес «экспеллиармус», то сразу же почувствовал, что не могу встать. Дальше как в тумане... я думал Скорпиус с ними, а он… — Альбус устало прикрыл глаза. Со Скорпиусом он так и не поговорил, и это не могло не расстраивать. — А он тебя защитил. И все-таки , Ал, я тебя прошу, будь осторожен с ним. Он – Малфой, а это гораздо больше, чем просто фамилия… — отец посмотрел куда-то в окно, потом резко прикрыл глаза и встал. — Пап... – позвал Альбус, — а почему мистер Малфой был здесь?

Как он узнал? — Ему рассказал Снейп. Как же жаль, что Малфой так и не согласился продать портрет…. — Это память, – строго сказал Альбус, вспомнив слова Скорпиуса. — Да я понимаю... но… — И все-таки, я думаю, что книга Салазара существует, — твердо сказал Альбус. — Нет, — покачал головой мистер Поттер, — вряд ли. А вообще... Альбус, — отец задумчиво посмотрел на него, — Слизерин хранит много тайн и это только одна из них. Хогвартс сам по себе уникален. Но пусть эти тайны останутся в стороне от тебя, ладно? Альбус проводил отца тяжелым взглядом. Спустя несколько минут дверь слегка приоткрылась. Ну, кто там еще?.. . Кажется, визиты на сегодня окончены… И Джеймс, и Роза уже были здесь. Джеймс признался, что это он взял учебник, потому что хотел, чтобы Ал прекратил так доверять хорьковому сыну. Альбус чуть было снова с ним не поссорился, но подумав, решил отложить разбирательство на потом, потому что сил абсолютно не было. Роза же на прощание обещала образумить брата и строго с ним поговорить. Альбус коварно улыбнулся и кивнул. Похоже, Джеймс получит свое наказание, потому что опека и лекции о хорошем поведении Розы Уизли – это нечто… Альбус исподлобья наблюдал, как дверь открывается больше, впуская тонкий, хрупкий силуэт. Повисла напряженная тишина. — Не стой столбом, — проворчал Альбус, — иди сюда. Скорпиус аккуратно закрыл дверь и зашел в комнату. Помялся возле кровати больного, запустил руку в светлые волосы и, наконец, сказал: — Как ты… — Здорово, — скривившись, ответил Альбус. - Мадам Помфри говорит, что еще неделю буду под наблюдением. Что у меня нестабильный уровень магии. — Значит, пропустишь игру… — тихо сказал Скорпиус. — Нет, – мрачно ответил Альбус, — из окна посмотрю. Они помолчали.

— Скорпи… — вдруг произнес Альбус, и Малфой вздрогнул, потому что так он его еще не называл, — ты злишься? — На что? На то, что ты поверил, что я так легко могу украсть у тебя твою любимую метлу или присоединиться к глупым одноклассникам, которые возомнили, что могут кулаками добиться власти? Или на то, что ты один поперся разгадывать тайну Слизерина, в то время как до этого мы вместе подходили к разгадке? А, нет, наверное, на то, что со Слизерина сняли сотню баллов, а я вместе с Ноттом, Забини и Гойлом отмываю лабораторию Слагхорна и буду это делать еще две недели! О, нет, Альбус Поттер, я совершенно, абсолютно не злюсь. Я спокоен. Я – просто образец спокойствия. – Скорпиус засопел и прикусил губу. — Я думал, что тебе все равно. У тебя всегда такой вид, словно тебе все равно. — Мне не

все равно, Поттер. Говорю один раз и больше не буду. Как-нибудь зайду. Выздоравливай. После Малфой степенно вышел из комнаты, негромко хлопнув дверью. А Альбусу вдруг стало весело. Он фыркнул и громко рассмеялся. Он почему-то был уверен, что малфоевское «как-нибудь» означало завтра, а может и сегодня вечером. А еще Альбус Поттер был уверен, что тайна не разгадана до конца, и что он обязательно доберется до истины. И Скорпиусу все расскажет. Вдруг вспомнился отец, который просил не лезть во всякие тайны. Альбус хмыкнул и прошептал: — Прости, папа… не дождешься… С-с-с-сах-х-х-ш-ш-ш-ш х-х-х-ахахас-с-с… И в следующий момент в руки Альбуса буквально влетела потрепанная книга. Альбус Северус Поттер довольно улыбнулся, сунул ее под подушку и решил, что можно и поспать до вечера. А вечером придут друзья, и все будет хорошо.

_*** — Альбус не может быть наследником Слизерина! – Главный Аврор почти срывался на крик. Перед ним сидел высохший старичок небольшого роста и задумчиво накручивал свою длинную седую бороду на палец. — Мистер Поттер, это так. По вашей просьбе я проверил родословную Поттеров. Да. Они не имеют отношения к Слизерину. Поттеры – потомки Годрика Гриффиндора, если так можно сказать. — И? – раздраженно спросил Поттер, ослабляя галстук и делая большой глоток из графина на столе своего кабинета, — Уизли? Но этого быть не может… — Не может. Уизли – древний, чистокровный род, опять же, не имеющий к Салазару никакого отношения. — Но вы утверждаете, что мой сын – наследник этого темного мага… — Именно, — глаза старичка задорно вспыхнули, — именно, мистер Поттер! И вы – наследник Слизерина так же. Просто в Альбусе эта сущность проявилась, а в вас и в вашем старшем сыне нет. Так бывает. — Значит... – ошарашено прошептал Поттер, не уточняя, что как раз-таки в нем и проявилась принадлежность к Слизерину, вот только все упорно закрывали на это глаза, списывая все на влияние Волдеморта. — А других вариантов и нет, мистер Поттер. Да… линия вашей покойной матушки Лили Эванс ведет именно к древнейшему роду Слизерина. — Она из семьи маглов! – завопил Поттер во всю мощь, и уже было хотел потребовать, чтобы старик прекратил нести чушь, как посетитель тихо заговорил: — Да. Но кто сказал, что в ее родословной не было волшебников? Следы могли затеряться. Но факт остается фактом – ваш сын ближе к Салазару, чем любой другой на этом факультете. Именно его признал дар основателя. Гарри Поттер обхватил голову руками и глухо застонал. После чего поднял больные глаза на визитера и протянул ему пухлый конверт. — Мистер Макгонарри, я надеюсь, этого достаточно? – Главный

аврор нервно закурил. — Вполне, мистер Поттер, — кивнул старичок, — вполне. Я гарантирую вам полную конфиденциальность. — Ты не просто гарантируешь. – Поттер наклонился над креслом посетителя, — ты будешь молчать, пока я сам не разберусь во всем этом. Ни одна живая душа не узнает о том, что Поттер – наследник Салазара Слизерина. Достаточно того, что газеты никак не заглохнут, обсуждая распределение моего сына… — Вы – страшный человек, мистер Поттер, — полузадушено произнес Макгонарри. — Я знаю. – Главный аврор оскалился и выпустил в лицо старика терпкую струю дыма, – я знаю…

Конец первой книги